ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЗАПАДНОЙ ОСЕТІИ.

Долины Ардона и Архона. Архонскій аулъ и его окрестности. Фауна и флора Архонской долины. Древнія морены. Поѣздка къ леднику. Рѣчка Латчинъ-донъ. Леченіе чахотки горнымъ воздухомъ, водою и льдомъ. Архонскій ледникъ. Путь отъ Архона къ Холесте. Аулъ Джими и его окрестности. Долина Джими-дона. Стоянка около Кора. Видъ на Боковой хребетъ и его ледники.

Высокій горный хребетъ, поднимающійся между долинами Терека и Ардона, или, тоже самое, между Военно-грузинской и Военно-осетинской дорогами, покрытый огромными массами вѣчныхъ снѣговъ и составляющій часть такъ-называемаго Боковаго Кавказскаго хребта, на большей части своего протяженія извѣстенъ до сихъ поръ еще очень мало. Надо замѣтить, что этотъ хребетъ поднимается значительно выше той части Главнаго Кавказскаго хребта, которая возвышается противъ него, но нѣсколько южнѣе, и совершенно закрываетъ ее съ сѣвера. Казбекъ (16546 ф.) Сырху-барзой (13637 ф.), Джимарай-хохъ (15694 ф.) и Тепли (14510 ф.) возвышаются именно на этомъ хребтѣ; на немъ лежатъ и тѣ огромныя снѣжныя поля, которыя такъ украшаютъ видъ изъ Владикавказа на цѣпь горъ.

Эта часть Бокового хребта, за исключеніемъ восточной и западной окраинъ ея, гдѣ возвышается съ одной стороны Казбекъ, а съ другой Тепли и Кассара, еще ни разу не была посѣщена мною, и потому лѣтомъ 1890 года я рѣшилъ побывать на ней. Въ это же время прибыли на Кавказъ, съ цѣлью путешествія по горамъ, профессоръ геологіи кіевскаго университета П. Н. Венюковъ и ассистентъ при гигіенической лабараторіи Г. В. Шумовъ. Такъ какъ и они не прочь были посѣтить ту часть Кавказа, куда собирался я, то мы рѣшили отправиться вмѣстѣ, что было, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ пріятнѣе и удобнѣе.

Въ двадцатыхъ числахъ іюня мы прибыли въ Алагиръ и употребили два дня съ одной стороны на пріисканіе проводниковъ и лошадей, съ другой на осмотръ болѣе интересныхъ мѣстъ въ окрестностяхъ Алагира, которыя были совершенно неизвѣстны моимъ спутникамъ. Проводниковъ мы отыскали довольно скоро: одинъ изъ нихъ былъ нанятъ нами въ самомъ Алагирѣ, а другой на Военно-осетинской дорогѣ, во время нашихъ экскурсій. Оба они должны были оставаться при насъ во все время нашего путешествія по этой части Кавказа; но, кромѣ нихъ, мы брали еще

третьяго проводника; онъ сопровождалъ насъ отъ одного пункта до другого, гдѣ мы должны были перемѣнять верховыхъ лошадей, находясь такимъ образомъ при насъ дня два-три. Ближайшей цѣлью нашего путешествія была долина Архона, небольшой рѣчки, вытекающей изъ ледника и впадающей съ правой стороны въ Ардонъ, притокъ Терека.

На протяженіи верстъ 25 намъ пришлось ѣхать знакомой уже мнѣ дорогой по живописному ущелью Ардона, которое составляетъ начало Военно-осетинской дороги и было описано мною раньше. (*) Когда мы проѣхали половину этой части пути, то впереди насъ, вдали показалась высокая, красивая, покрытая большими снѣжными полями гора. Вершина ея представляетъ широкую площадку, замѣтно наклонную въ одну сторону и сильно напоминающую кривой столъ. Наши проводники говорили, что это гора Архонъ, возвышающаяся рядомъ съ Тепли. Вправо и влѣво отъ нея также видны были высокія горы, покрытыя большими массами снѣговъ.

Верстахъ въ 25 отъ Алагира мы разстались съ Ардонской долиной и, повернувъ влѣво, вступили въ долину Архона. Она рѣзко отличается отъ первой, страшно тѣсна и окружена очень крутыми склонами; по дну ея течетъ необыкновенно быстрая и во многихъ мѣстахъ сплошь покрытая пѣной рѣчка Архонъ. Въ ея руслѣ всюду валяются огромные камни, частью свалившіеся съ сосѣднихъ горъ, частью принесенные издалека; вода же въ ней страшно мутна и имѣетъ желтосѣрый цвѣтъ. Причина этого кроется, какъ мы убѣдились впослѣдствіи, частью въ ледникѣ, изъ котораго вытекаетъ Архонъ, частью же въ томъ, что рѣчкѣ приходится прокладывать себѣ путь черезъ наносные, глинистые, сильно подвергающіеся размыванію пласты. Ширина Архона отъ 10—15 шаговъ, а длина верстъ 10 или немного болѣе. Горныя породы, образующія склоны долины, состоятъ здѣсь большею частью изъ плотнаго аспиднаго сланца, а кое-гдѣ изъ кристаллическихъ породъ, напр. гранита. Долина эта замѣчательна еще по громаднымъ пластамъ глинистыхъ наносовъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. близъ аула Архона) образуютъ толщи не менѣе 10-15 сажень.

Въ то время, когда мы попали въ Архонскую долину, она была сильно выжжена солнцемъ, выбита скотомъ, почти лишена растительности и носила крайне печальный, унылый видъ. Изъ кустарниковъ мы встрѣтили здѣсь барбарисъ, шиповникъ, калину-гордовину (Viburnum Lantana), кое гдѣ рододендроны, изъ деревьевъ березки, а травы почти не было вовсе. Обращаютъ на себя вниманіе въ этой долинѣ тропинки, выбитыя скотомъ. На склонахъ, обращенныхъ къ сѣверу, гдѣ растительность меньше

(*) Осетія и верховья Ріона. Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ. Т. XIII.

страдаетъ отъ солнца, болѣе скрѣпляетъ почву, предотвращая сползаніе и осыпаніе ея, эти тропинки представляютъ замѣчательно красивую и густую сѣть ромбовъ, параллелограммовъ и вообще многоугольниковъ, въ особенности красивую, если смотрѣть на нее съ противуположнаго склона долины. При первомъ взглядѣ на эти фигуры трудно подумать, что онѣ не сдѣланы намѣренно человѣкомъ, а возникли, такъ-сказать, случайно.

За все время пути отъ Алагира до Архонскаго аула мы встрѣтили изъ позвоночныхъ животныхъ много маленькихъ красивыхъ ящерицъ (Lacerta muralis), которыя съ замѣчательной ловкостью и быстротою лазятъ не только по отвѣснымъ поверхностямъ, но даже и такимъ, которыя, какъ потолокъ, обращены прямо внизъ; часто встрѣчается здѣсь и зеленая ящерица (Lacerta viridis). Кромѣ пресмыкающихъ намъ попадалось много птицъ. Изъ нихъ по берегамъ ручьевъ и рѣчекъ мы видѣли чаще всего бѣлыхъ и желтыхъ плисокъ (Motacilla alba L., Mot. dukhunensis Sykes. и Colobates sulphurea, Bechst.) и куличковъ-береговиковъ (Actitis hypoleucos L.), а въ лѣсахъ и на полянахъ множество черноголовыхъ сосокъ (Garrulus Krynickii Kalen.) сарычей (Buteo Menetriesi Bogd.). пѣночекъ (Phyllopneuste), овсянокъ (Emberiza cia L.) и дроздовъ-дерябъ (Turdus viscivorus L.). Эти послѣдніе попадаются въ горахъ чаще на среднихъ и даже значительныхъ высотахъ, какъ напр. на 8—9 тысячахъ футовъ; здѣсь же мы встрѣтили множество ихъ верстахъ въ 7—8 отъ Алагира, не доѣзжая до ущелья Нахаза, на высотѣ не болѣе 3000 ф. надъ у. м. По голымъ мѣстамъ, въ особенности гдѣ есть осыпи или кучи камней, попадается еще много чекановъ (Saxicola oenanthe) и черногрудокъ (Saticilla ochruros Gm.) и т. д.

Тропинка, по которой можно ѣхать только верхомъ, ведетъ къ аулу все время по правой, болѣе подверженной вліянію лучей солнца, сторонѣ ущелья. Въ одномъ мѣстѣ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, она идетъ зигзагами и поднимается на большую высоту, а передъ аломъ, стоящимъ по прямой линіи всего версты на 4 отъ сліянія Архона съ Ардономъ, снова спускается внизъ. Здѣсь она проходитъ черезъ балку съ очень высокими наносными глинистыми берегами. Они сильно размываются водою и во многихъ мѣстахъ образуютъ высокія, отдѣльно стоящія колонны, столбы и башни. достигающіе нѣсколькихъ сажень высоты.

За исключеніемъ ранняго утра, во все время нашего путешествія по этимъ долинамъ солнце палило немилосердно, и жара была страшная. Въ особенности душно было въ тѣсныхъ скалистыхъ мѣстахъ ущелья, гдѣ камни, раскаленные солнечными лучами, какъ будто бы дышали огнемъ. Вѣроятно эта жара была причиною того, что одному изъ насъ сдѣлалось

дурно: у него начала болѣть голова, явилась сильная слабость, потомъ тошнота и рвота.

Часа въ 4 по полудни мы добрались до Архона. Этотъ маленькій аулъ расположенъ на высотѣ около 4600 футовъ, на очень высокомъ, почти отвѣсномъ, правомъ берегу рѣки и окруженъ красивыми окрестностями. Около него, на склонахъ горъ, всюду разбросаны хлѣбныя поля, то отдѣльными узкими полосками, то болѣе или менѣе скучено. Если смотрѣть на нихъ изъ аула, то они имѣютъ очень красивый видъ. Въ нихъ живетъ много перепеловъ, и крикъ ихъ особенно утромъ и вечеромъ раздается со всѣхъ сторонъ, не умолкая ни на минуту. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ даже очень удивленъ тѣмъ, что на этой высотѣ перепелокъ оказалось такъ много. По словамъ жителей аула, на тѣже поля съ сосѣднихъ горъ прилетаютъ и горныя куропатки (Perdix chukar, Gray).

Рядомъ съ хлѣбными полями здѣсь посѣяно много картофеля, который въ горахъ приходится видѣть довольно рѣдко. Растетъ онъ здѣсь по видимому очень хорошо.

Вблизи самого аула почва покрыта густымъ покровомъ изъ низкаго, стелящагося по землѣ клевера. Этотъ клеверъ, не смотря на ничтожную величину, считается горцами очень питательнымъ и хорошимъ кормомъ. Что касается лѣсовъ, то ихъ вблизи нѣтъ вовсе. Въ одномъ мѣстѣ недалеко отъ аула, видна группа пирамидальныхъ тополей; они повидимому чувствуютъ себя здѣсь очень хорошо; кромѣ того на лѣвомъ берегу Архона есть еще священная сосновая роща, которой никто не осмѣливается трогать. Вдали, верстахъ въ 10, на крутомъ оголенномъ склонѣ также красуется хорошенькій сосновый лѣсокъ. Онъ, однако, не принадлежитъ Архонскому аулу и тоже считается священнымъ. Безъ сомнѣнія долина Архона была прежде богата лѣсами и имѣла совсѣмъ не такой печальный видъ. Доказательствомъ этому служатъ священныя рощи, уцѣлѣвшія въ силу, конечно, совершенно особенныхъ причинъ даже на самыхъ неблагопріятныхъ для лѣса мѣстахъ, и, кромѣ того, существованіе многихъ отдѣльныхъ ольховыхъ лѣсковъ и рощицъ выше аула, по дорогѣ къ глетчеру. Эти рощицы уцѣлѣли главнымъ образомъ потому, что ольха представляетъ очень плохой матеріалъ, даже для топлива; кромѣ того зимой и добраться до этихъ лѣсковъ по причинѣ большаго снѣга, очень трудно. Изъ дикоростущихъ травянистыхъ растеній заслуживаетъ еще упоминанія персидская ромашка (Pyrethrum roseum), которую архонцы собираютъ въ сосѣднихъ горахъ и продаютъ въ Тифлисъ. На крышахъ нѣкоторыхъ хатъ она сушилась и во время нашего пребыванія въ аулѣ.

Кромѣ перепелокъ и горныхъ куропатокъ вблизи аула попадает

немало другихъ птицъ. Въ самомъ аулѣ много полевыхъ воробьевъ (Salicipasser montanus L.) и черныхъ стрижей (Cypselus apus L.), а альпійскія вороны (Fregilus graculus, L.) безпрерывно снуютъ взадъ и впередъ по ущелью и своимъ пріятнымъ, мелодичнымъ, звонкимъ голосомъ оглашаютъ окрестности; обыкновенный чеканъ (Saxicola oenanthe. L.) также попадается около аула очень часто, а нѣсколько выше и дальше отъ жилья нерѣдко можно видѣть бѣлозобыхъ дроздовъ (Turdus torquatus L.) и красногрудыхъ воробьевъ (Carpodacus erythrinus). Что касается крупныхъ млекопитающихъ, то они въ этой долинѣ почти совсѣмъ истреблены. Сернъ здѣсь нѣтъ вовсе, медвѣди попадаются какъ рѣдкость, туры только зимою спускаются довольно низко, а лѣтомъ изрѣдка встрѣчаются на трудно-доступныхъ мѣстахъ вблизи Архонскаго ледника; въ сосѣдней же съ этой, Бадской долинѣ, отдѣляющейся отъ Архонской всего однимъ хребтомъ, до сихъ поръ ущелѣли серны, но онѣ никогда не заходятъ, какъ разсказываютъ охотники, въ долину Архона.

Нѣсколько выше аула, на продолженіи той же самой возвышенности праваго берега рѣки, находится кладбище, большая часть памятниковъ котораго принадлежитъ довольно старому времени. Лишь немногіе изъ нихъ сложены изъ тесанаго камня, всѣ же прочіе изъ шиферныхъ обломковъ или простыхъ голышей. Одинъ только памятникъ имѣетъ очень большую величину и представляетъ пирамиду съ выдающимися въ видѣ лѣстницы выступами изъ шиферныхъ же плитъ. Очень удивило меня на этомъ кладбищѣ слѣдующее обстоятельство: на верху нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ памятниковъ находятся каменныя изваянія барановъ, передняя часть которыхъ сдѣлана на столько удовлетворительно, что на ней можно хорошо различать ротъ, уши, рога и глаза, задняя же, наоборотъ, отесана крайне небрежно. Она торчитъ въ видѣ простого, неправильнаго, быстро утолщающагося придатка, на которомъ нельзя отличить и признака заднихъ ногъ. Видно, что художникъ нисколько не позаботился объ отдѣлкѣ ея. Длина такихъ барановъ равняется приблизительно $1^1/_2$—2 футамъ, а число ихъ на кладбищѣ 4—5 штукъ. Такъ какъ они укрѣплены на самомъ верху памятниковъ, то нельзя было хорошо разсмотрѣть, изъ какого камня они сдѣланы. Замѣчательно, что въ другихъ мѣстахъ Осетіи, а также въ прочихъ частяхъ Кавказа ничего подобнаго я ни разу не видѣлъ. Кресты находятся только на немногихъ памятникахъ.

Въ долинѣ Архона находятся очень мощныя эрратическія образованія. Весь аулъ и кладбище, о которомъ только что шла рѣчь, стоятъ на древней моренѣ. Это—довольно длинная гряда, направляющаяся вдоль ущелья и бывшая когда-то боковой мореною ледника. Она имѣетъ огром-

ную толщину; рѣчка Архонъ размыла ее, при этомъ образовался отвѣсный уступъ или стѣна, высотою, вѣроятно, сажень въ 30 или 40.

Изъ толщи ея торчатъ во многихъ мѣстахъ огромные камни и вообще моренный характеръ ея ясенъ до очевидности. На поверхности этого вала, на кладбищѣ и далѣше за нимъ также валяется много очень большихъ гранитныхъ валуновъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ 5 аршинъ въ длину, 3 въ ширину и около $2^1/_2$ въ высоту. Огромные валуны, выпавшіе изъ отвѣснаго уступа, который служитъ берегомъ рѣки, валяются и на днѣ ея.

Въ аулѣ насъ приняли сначала не особенно любезно. Не желая стѣснять себя и другихъ, мы рѣшили помѣститься на ночь не у кого-либо изъ мѣстныхъ жителей, а, какъ я уже дѣлалъ раньше, въ такъ-называемой канцеляріи, которая находилась и въ этомъ аулѣ, составляющемъ центръ Архонскаго „прихода“. Въ подобныхъ пунктахъ, какъ извѣстно, можетъ быть, читателю, живетъ всегда писарь со старшиной, въ вѣдѣніи котораго находится нѣсколько отдѣльныхъ меньшихъ ауловъ, состоящихъ нерѣдко всего изъ 5—7 дворовъ. Пріѣхавъ въ аулъ, мы разыскали писаря; но онъ, несмотря на наши просьбы, переданныя черезъ проводниковъ, не хотѣлъ впустить насъ въ совершенно пустую канцелярію и объявилъ, что старшина по вызову пристава отправился въ Алагиръ, а помощникъ его куда-то уѣхалъ и увезъ съ собою ключи отъ канцеляріи. Не желая напрасно терять времени, я предложилъ своимъ спутникамъ пройти еще сажень 50, выбраться за аулъ, отыскать ровное мѣстечко, разбить на немъ палатку и расположиться въ ней. Если бы не тучи, предвѣщавшія повидимому дождь, то мы, конечно, и не пытались бы искать помѣщеніе въ аулѣ, а выбрались бы на какую нибудь лужайку, гдѣ по близости можно было найти воду и дрова, и ночевали бы тамъ на свѣжемъ воздухѣ.

Мое предложеніе было принято, и минутъ черезъ 5 мы уже занялись развьючиваніемъ своихъ лошадей и готовились разбивать палатку. Въ это самое время явился къ намъ одинъ изъ жителей аула и очень любезно сталъ уговаривать насъ, переѣхать ночевать къ нему въ домъ.

Сначала мы и не думали объ исполненіи его просьбы; но онъ не переставалъ упрашивать насъ, говоря, что если мы не захотимъ помѣститься у кого-нибудь изъ жителей аула и останемся ночевать подъ открытымъ небомъ, притомъ вблизи самого жилья, то это будетъ оскорбленіе для всего аула; оскорбленіе въ настоящемъ случаѣ, какъ онъ объяснялъ, вовсе не заслуженно, потому что отказалъ намъ въ пріемѣ и тѣмъ обидѣлъ насъ не ихъ собратъ, а простой наемникъ, человѣкъ вовсе не принадлежащій къ ихъ обществу.

Какъ мы ни старались увѣрить нашего собесѣдника въ томъ, что раздѣляемъ его мнѣніе, что вовсе не обвиняемъ въ этой исторіи жителей аула, нисколько не претендуемъ на нихъ, и если теперь не хотимъ перебраться въ аулъ, то только по причинѣ сильной усталости и нежеланія снова перетаскивать свои вещи на другое мѣсто; но онъ такъ настойчиво продолжалъ упрашивать насъ, что мы наконецъ должны были внять его просьбѣ и послѣдовать за нимъ.

Когда лошади были уже развьючены, и всѣ наши вещи внесены въ комнату, вдругъ мы услышали невдалекѣ сильный шумъ. Оказалось, что нашъ хозяинъ и еще нѣкоторые изъ жителей аула рѣшили наказать писаря за то, что онъ, припрятавъ ключи, не хотѣлъ насъ впустить въ канцелярію, и изрядно поколотили его. Спустя съ полчаса послѣ этого урока писарь усѣлся, какъ мы сами видѣли, на порогѣ раскрытыхъ дверей канцеляріи и тѣмъ самымъ показалъ, что ключи дѣйствительно были у него, а не у помощника старшины, который къ тому времени еще не возвратился.

Часа за три до вечера небо совершенно очистилось отъ тучъ, и все предвѣщало хорошую погоду. Чтобы не терять времени, я и Ш. рѣшили въ этотъ же день отправиться къ Архонскому леднику, отстоящему отсюда часа на два пути, и добравшись до самой верхней части долины Архона, переночевать тамъ, а на слѣдующій день рано утромъ заняться осмотромъ какъ ледника, такъ и окружающихъ его горъ. Ш. думалъ также поохотиться на туровъ, если представится къ тому удобный случай.

Изъ аула мы взяли себѣ въ проводники охотника, хорошо знающаго всѣ сосѣднія горы. Онъ долженъ былъ провести насъ къ глетчеру и отправиться съ нами, если бы мы пожелали, на охоту.

Дорога къ глетчеру идетъ сначала по правому берегу Архона. Здѣсь она пересѣкаетъ рѣчку Латчинъ-донъ, которая вытекаетъ изъ горъ съ правой стороны долины. Эта чудная рѣчка, прыгая съ камня на камень, быстро несется по очень крутому ложу и представляетъ непрерывную систему водопадовъ. Вода въ ней чиста, какъ роса, и имѣетъ необыкновенно красивый голубоватый оттѣнокъ, а отъ пѣны и безчисленнаго множества брызгъ издали блеститъ, какъ серебряная лента. Верстахъ въ 3—4 отъ аула, тропинка переходитъ на лѣвый берегъ Архона и тянется то по открытымъ каменистымъ мѣстамъ, то проходитъ черезъ упомянутые уже ольховые лѣски или рощицы. Съ значительными перерывами эти рощицы тянутся очень далеко по дну долины, и послѣдняя изъ нихъ отстоитъ менѣе чѣмъ на полверсты отъ глетчера. Многія деревца достигаютъ здѣсь среднихъ размѣровъ, т. е. 5—6 дюймовъ въ діаметрѣ и сажень трехъ высоты. Рядомъ съ этими рощицами лежатъ и сугробы снѣга.

Мы остановились на одной небольшой лужайкѣ, отстоящей отъ нижняго конца ледника приблизительно на версту и лежащей футовъ на 800 ниже его. Высота этого мѣста равняется 7368 ф. надъ уровнемъ моря. Ущелье здѣсь довольно просторно, внизу сплошь усыпано камнями, принесенными рѣкой, а съ боковъ окружено высокими крутыми горами. Мы не думали встрѣтить здѣсь никого изъ людей, за исключеніемъ развѣ какихъ нибудь пастуховъ; на самомъ же дѣлѣ и въ этомъ царствѣ тумановъ и облаковъ оказались у насъ сосѣди, и при томъ женщины. Одна изъ нихъ была осетинка, а другая—русская, казачка, тяжело больная чахоткой и пріѣхавшая сюда лечиться льдомъ, холодной водою и горнымъ воздухомъ. Изъ разговора съ нею мы узнали что мужъ привезъ ее для леченія къ живущему въ Архонскомъ аулѣ своему знакомому; а онъ помѣстилъ ее, вмѣстѣ съ своей женой, здѣсь, вблизи ледника и притомъ подъ открытымъ небомъ. Такимъ образомъ въ этой глуши, вдали отъ всего людскаго, жили эти двѣ женщины, изъ которыхъ одна уже стояла на краю могилы и едва могла ходить. Мужъ осетинки, ея сожительницы, приходилъ сюда только въ 3-4 дня, разъ, чтобы принести изъ аула для обѣихъ женщинъ провизіи, а съ глетчера для больной льда, который она должна была класть въ воду или молоко и потомъ пить ихъ. Сильно исхудавшая, съ темнымъ землистымъ цвѣтомъ лица и впалыми глазами, больная почти не переставала кашлять, и этотъ кашель производилъ на насъ очень тяжолое впечатлѣніе. Узнавъ, что больная русская, мы тотъ-часъ же навѣстили ее; нельзя было не замѣтить, что это необыкновенно обрадовало ее. Дѣйствительно, живя въ такой глуши, вдали отъ всего роднаго и близкаго сердцу, да еще при такомъ состояніи здоровья, немудрено было обрадоваться встрѣчѣ даже съ незнакомыми людьми.

Мы довольно долго говорили съ нею, и изъ разговоровъ узнали, что она въ станицѣ кашляла кровью и отхаркивала много зловонной мокроты, здѣсь же все это прекратилось и кромѣ того явился аппетитъ, котораго у нея прежде почти не было. Такимъ образомъ, судя по ея словамъ, она чувствуетъ себя значительно лучше. Надѣяться однако на хорошій окончательный результатъ такого леченія трудно, такъ какъ больной приходится жить подъ открытымъ небомъ и сильно страдать отъ холода, въ особенности, когда ночью дуетъ сильный вѣтеръ съ ледника внизъ по долинѣ. Впрочемъ, ей обѣщаютъ въ самомъ непродолжительномъ времени выстроить шалашъ; тогда, конечно, положеніе ея хотя немного улучшится. Надо еще замѣтить, что больную уговариваютъ, купаться въ той рѣчкѣ, которая вытекаетъ изъ-подъ глетчера и имѣетъ температуру воды не болѣе 3—4°; она однако боится привести въ исполненіе это пред-

писаніе, да и мы съ своей стороны старались еще болѣе убѣдить ее въ опасности такого способа леченія.

На слѣдующій день я всталъ очень рано; утро оказалось прекраснымъ и надо было поторопиться воспользоватся имъ.

Мнѣ хотѣлось поскорѣе отправиться на ледникъ, но проводникъ только теперь объявилъ намъ, что подняться на глетчеръ можно не иначе, какъ съ противуположнаго склона ущелья, т. е. предварительно перебравшись верхомъ черезъ рѣчку Архонъ. Съ этой цѣлью мы взяли съ собою двухъ неосѣдланныхъ лошадей и отправились. Ѣхать по заваленному грудами камней дну долины было очень плохо, поэтому мы почти все время шли пѣшкомъ, добрались такимъ образомъ до рѣчки, принялись искать бродъ. На наше несчастье, его, однако, нигдѣ не удавалось найти. Правда, рѣчка была совсѣмъ не глубока и воды въ ней хватило бы не болѣе какъ по колѣна лошади, но за то все русло ея оказалось загроможденнымъ такими глыбами камня, что лошадь едва ли бы прошла черезъ него, не поломавши себѣ ногъ или, по крайней мѣрѣ, не упавши нѣсколько разъ. Надо было помнить и то, что если мы не безъ труда переѣдемъ рѣчку теперь, то обратный путь черезъ нее будетъ еще хуже, такъ какъ съ каждымъ часомъ вода въ ней начнетъ прибывать болѣе и болѣе; тогда придется бороться не съ однимъ, а съ двумя препятствіями.

Убѣдившись, что перебраться черезъ рѣчку очень трудно, мы рѣшили идти по правому берегу ея и приблизиться къ леднику на столько, на сколько позволитъ мѣстность. Пройдя такимъ образомъ съ версту, я увидѣлъ однако, что передъ глетчеромъ долина страшно съуживается и образуетъ тѣснину, въ видѣ мрачнаго корридора, длиною сажень въ 200 и шириною приблизительно въ 10—15; при этомъ отвѣсныя стѣны его состоятъ изъ чернаго, очень крѣпкаго аспиднаго сланца и имѣютъ высоту въ нѣсколько сотъ футовъ. Внизу онѣ сильно обмыты водою. Рѣка здѣсь несется съ оглушительнымъ ревомъ по крутому извилистому дну и, прыгая съ уступа на уступъ, бьется то объ одинъ, то о другой берегъ. Вся она покрыта пѣной, а на скалистомъ днѣ ея не валяется, вѣроятно, ни одного камня, потому что каждый изъ нихъ, попавши сюда съ ледника или со склона тѣснины, тотчасъ же уносится внизъ, страшнымъ теченіемъ. Подойти къ леднику, и здѣсь оказалось невозможнымъ, такъ какъ рѣка, вдоль берега которой пришлось бы пробираться, во многихъ мѣстахъ, то съ той, съ другой стороны подбивалась подъ самыя стѣны тѣснины; по дну же ея нельзя было и подумать сдѣлать хотя одинъ шагъ. Изъ этой мрачной разселины, какъ изъ гигантской трубы, вырывалась струя холоднаго, сырого, съ безчисленнымъ множествомъ брызгъ воды, воздуха.

Своимъ холодомъ онъ такъ сильно пронизывалъ насъ, что мы не могли здѣсь оставаться болѣе 10—16 минутъ. Нигдѣ на стѣнахъ тѣснины не было замѣтно слѣдовъ существованія ледника, въ видѣ царапинъ, шлифованныхъ скалъ и т. д. Безъ сомнѣнія еще недавно (въ послѣдній періодъ возрастанія кавказскихъ ледниковъ) ледъ доходилъ сюда, но слѣды движенія его не сохранились.

Выше этой мрачной тѣснины, скалы снова разступаются, ущелье раздѣляется на двѣ вѣтви и показываются прекрасныя зеленыя лужайки. Одна изъ нихъ находится тотчасъ-же за концомъ тѣснины. За ними уже слѣдуютъ болѣе или менѣе голыя скалы и вѣчные снѣга.

Со стороны тѣснины мнѣ также не удалось осмотрѣть глетчеръ, такъ какъ отсюда былъ виденъ только нижній конецъ его. Онъ оказался довольно узкимъ, да и толщина его была не велика.

Послѣ этой новой неудачи, я рѣшилъ отправиться снова внизъ, вдоль берега рѣчки, и посмотрѣть, не удастся ли мнѣ гдѣ-нибудь пѣшкомъ перебраться черезъ нее. Дѣйствительно, хотя и не безъ труда и притомъ набравши въ сапоги воды, я переправился на противуположный берегъ ея. Здѣсь тотчасъ начинался крутой подъемъ. Взобраться на него было очень тяжело. но за то съ каждымъ новымъ шагомъ открывался все болѣе и болѣе общирный видъ, какъ на ледникъ, такъ и на окружающія его горы. Поднявшись такимъ образомъ на довольно порядочную высоту, я могъ, наконецъ, хотя издали увидѣть глетчерныя и снѣжныя поля верховьевъ Архона.

Здѣсь оказался, однако, не одинъ глетчеръ, какъ я раньше думалъ, а два. Изъ нихъ правый (если смотрѣть сверху внизъ) значительно длиннѣе и спускается значительно ниже лѣваго; вверху они почти сходятся и получаютъ начало изъ обширныхъ снѣжныхъ полей Тепли. Правый, болѣе длинный ледникъ оканчивается немного выше тѣснины, при началѣ крутого уступа, состоящаго также изъ шиферныхъ скалъ. Изъ него вытекаетъ довольно порядочная рѣчка. Вблизи этого мѣста поверхность ледника очень крута и пересѣчена множествомъ трещинъ, средняя ширина его едвали превосходитъ сажень 70; толщина же льда, какъ было сказано выше, также не велика. Тянется эта часть почти прямо съ N на S, а потомъ глетчеръ замѣтно поворачиваетъ къ O. Въ средней части онъ становится значительно шире, и еще большихъ размѣровъ въ ширину достигаетъ вблизи снѣжныхъ полей. Съ боковъ его окаймляетъ высокій барьеръ крутыхъ черныхъ скалъ, которыя съ правой стороны тянутся почти вдоль всего глетчера. Это—ледникъ 1-го разряда, хотя и небольшой (версты въ 2—3 длиною).

Лѣвый ледникъ значительно короче и оканчивается гораздо выше, чѣмъ правый. Лежитъ онъ въ неособенно глубокомъ ущельѣ и при томъ довольно близко къ правому. Его ущелье тянется много ниже того мѣста, гдѣ теперь оканчивается ледъ и, наконецъ, соединяется съ ущельемъ, по которому движется правый глетчеръ. Это соединеніе происходитъ немного выше начала упомянутой уже тѣснины. Здѣсь находится довольно обширная, покрытая свѣжей зеленью лужайка, травами которой пользуются, вѣроятно, одни только туры. Около этой лужайки, именно въ углу, гдѣ соединяются ущелья обоихъ ледниковъ, видна старая короткая, но довольно большая морена. Начала обоихъ глетчеровъ находятся въ весьма небольшомъ разстояніи другъ отъ друга и прежде, безъ всякаго сомнѣнія, оба эти ледяные потока внизу соединялись вмѣстѣ. Оканчивается правый ледникъ очень высоко, вѣроятно на 8500 или 9000 ф. надъ уровнемъ моря.

Полюбовавшись ледникомъ издали, я снова спустился внизъ, перебрался черезъ рѣчку вбродъ, снова зачерпнулъ въ одинъ сапогъ холодной, какъ ледъ, воды и, пройдя съ полверсты по дну долины, возвратился наконецъ къ своей стоянкѣ. Мой проводникъ уже давно былъ тамъ. Здѣсь мы провели еще часа полтора, а затѣмъ отправились обратно въ Архонскій аулъ, гдѣ оставался П. Н. Венюковъ.

Изъ долины Архона мы должны были отправиться въ слѣдующую за нею къ востоку долину р. Фіагъ-дона, извѣстную также подъ именемъ Куртатинскаго ущелья. Для этой цѣли намъ прежде всего надо было перебраться черезъ хребетъ, ограничивающій Архонскую долину съ правой стороны, и спуститься къ небольшому аулу Холесте. Мы выступили часовъ въ 8 утра и, пройдя черезъ узкую полосу хлѣбныхъ полей Архона, начали подниматься на страшно крутую гору. Тотъ склонъ ея, по которому мы шли, былъ обращенъ на югъ, сильно выжженъ солнцемъ и почти лишенъ растительности; на немъ всюду валялись куски гранита, принесенные водою или льдомъ издалека. Мѣстами, впрочемъ, дорожка переходила на покатости, склоняющіяся къ сѣверо-западу; здѣсь почва была гораздо влажнѣе, и на ней появлялся очень красивый коверъ изъ разнообразныхъ представителей флоры средняго пояса горъ (5—6 тысячъ футовъ надъ ур. м.). Слѣдующія растенія встрѣчались на этихъ мѣстахъ въ особенно большомъ числѣ экземпляровъ и прежде всего обращали на себя вниманіе: Scabiosa ochroleuca, Astrantia major, Medicago, Orchis mascula, Myosotis vulgaris, Polygonum bistorta, конскій щавель, бѣлый клеверъ, Salvia verticillata, Thymus serpyllum, Alchemilla argentea, Centaurea, Lotus corniculatus, Galium verum, Anemone и т. д. Самый гребень

хребта также былъ покрытъ красивыми пышными лугами, но ни на немъ, ни на склонахъ горъ не было ни одного деревца, ни одного кустика. Лѣвѣе дороги, но довольно далеко отъ нея, видны были размытые водою слои наносовъ громаднѣйшей толщины. Еще разъ скажу, что Архонская долина очень замѣчательна въ этомъ отношеніи и что интересно было выяснить причины, почему наносныя образованія накопились въ ней въ такомъ огромномъ количествѣ.

Чтобы попасть въ Холесте, намъ надо было снова спуститься въ долину одной небольшой рѣчки. Спускъ оказался гораздо болѣе короткимъ, чѣмъ подъемъ, но до того крутымъ, что мы едва могли идти по немъ, а нашимъ лошадямъ приходилось во многихъ мѣстахъ не переступать, а сползать, или, точнѣе, скатываться на всѣхъ четырехъ ногахъ. Надо замѣтить, что этотъ склонъ вовсе лишенъ растительности и что тропинка, извивающаяся по немъ, на всемъ протяженіи покрыта мелко раздробленными пластинками или листочками аспиднаго сланца, который осыпается, ползетъ внизъ, когда на него ступаетъ нога, и затрудняетъ ходьбу еще болѣе, чѣмъ непомѣрная крутизна спуска. Вообще путь черезъ этотъ хребетъ всѣмъ намъ очень не понравился: почти всюду—оголенная почва, лишенная всякой жизни, отсутствіе интересныхъ предметовъ въ сторонѣ отъ дороги и, въ придачу ко всему этому, отвратительнѣйшій спускъ.

Какъ только кончается этотъ крутой склонъ, начинаются хлѣбныя поля, и черезъ нихъ течетъ красивая, быстрая, горная рѣчка. Такъ какъ мы шли часа три по безводной мѣстности и при томъ перебрались черезъ высокій хребетъ съ очень крутыми склонами, на которыхъ намъ пришлось потѣть, какъ въ самой жаркой банѣ, то мы обрадовались этой рѣчкѣ и каждый изъ насъ неоднократно принимался пить изъ нея воду. Пройдя еще съ полъ-версты, мы остановились отдыхать на небольшой лужайкѣ, вблизи воды и недалеко отъ аула Холесте. Этотъ послѣдній имѣетъ очень оригинальный видъ. Онъ расположенъ на самомъ концѣ высокаго, сверхъ притупленнаго отрога горы и состоитъ изъ нѣсколько десятковъ хижинъ, среди которыхъ красуется высокая четырехъ-угольная старинная башня. По обѣимъ сторонамъ аула на подошвѣ того кряжа, на гребнѣ котораго онъ расположенъ, текутъ двѣ быстрыя горныя рѣчки, а въ полуверстѣ отъ него находятся залежи свинцовой руды, которую мѣстные жители понемногу разрабатываютъ для выплавки свинца. На склонѣ горы, въ сторонѣ отъ тропинки, гдѣ мы только что спускались, видно было нѣсколько шахтъ, черезъ которыя выносится эта руда. Шахты имѣютъ довольно значительную длину, и чтобы по нимъ добраться до мѣсторожденія руды, надо

имѣть, какъ намъ говорили, хорошаго путеводителя и спускаться съ огнемъ. Мы посылали одного изъ нашихъ проводниковъ, чтобы онъ отыскалъ, гдѣ-нибудь вблизи входа въ шахты, хотя маленькій кусочекъ руды и принесъ бы его намъ. Къ сожалѣнію ему этого не удалось сдѣлать, по разсказамъ же нашихъ проводниковъ, здѣшняя руда совершенно сходна съ тою, которая добывается въ Садонскомъ рудникѣ и доставляется на Алагирскій заводъ. Судя по этому, надо полагать, что здѣсь находится также свинцово-серебряная руда. Жители Холесте разсказываютъ, что разработка ея ведется съ незапамятныхъ временъ, что этимъ дѣломъ занимались здѣсь въ прежнія времена какіе-то греки.

Дорога отъ Холесте до слѣдующаго аула, Джими, гораздо интереснѣе и веселѣе. Она все время тянется по лѣвому, обращенному къ сѣверу, склону долины одной небольшой рѣчки, и потому ее почти всюду окаймляютъ красивые луга, выше которыхъ тянется почти сплошной лѣсъ. Травянистыя растенія, въ родѣ Spiraea Aruncus и Aconitum съ большими синими цвѣтами, достигаютъ здѣсь высоты почти сажени, рододендроны съ желтыми цвѣтами (Azalea pontica L.—Ред.) образуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошныя заросли, а изъ деревьевъ очень часто встрѣчается береза и ольха. Что же касается обращеннаго къ югу склона долины, то онъ покрытъ хлѣбными полями, и на немъ красуются кое-гдѣ отдѣльно стоящія деревца. Вообще эта долина по богатству растительности, по свѣжести ея и, наконецъ, по красотѣ окружающихъ горъ не можетъ быть сравниваема съ мѣстностью между Архономъ и Холесте.

Въ часъ пополудни мы сдѣлали новый привалъ противъ маленькаго аула Джими, расположеннаго на правой сторонѣ небольшой рѣчки Джими-донъ. Отъ Холесте до Джими мы добрались, не считая времени на остановки, за 4 часа вѣроятно, и десятой части этого пространства намъ не пришлось проѣхать верхомъ. Мѣсто нашей стоянки имѣло довольно пріятный видъ. Вездѣ росла, хотя и очонь мелкая, приземистая, но за то совершенно свѣжая, зеленая трава; всюду попадались кустики, а нѣсколько выше, саженяхъ во ста отъ насъ, тянулся лѣсокъ. Мы набрали здѣсь сухихъ вѣтокъ, развели костеръ, сварили себѣ чай и кофе, исправно закусили послѣ столь основательной прогулки, немного отдохнули и двинулись дальше въ путь.

За Джими дорога на протяженіи верстъ 2—3 идетъ вверхъ по рѣчкѣ Джими-донъ. Мѣста здѣсь также довольно красивы, при чемъ оба склона долины покрыты зеленью, изъ которой только кое-гдѣ торчатъ шиферныя скалы. На лѣвой сторонѣ ущелья тянется почти сплошной бе-

резовый лѣсокъ, въ которомъ, какъ говорятъ, еще до сихъ поръ водятся медвѣди; у нижней границы этого лѣска разстилаются роскошные горные луга. Богатство растительности привлекаетъ сюда и птицъ, которыхъ мы встрѣтили здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ другихъ, уже пройденныхъ нами мѣстахъ. На ручьѣ я видѣлъ трехъ водяныхъ дроздовъ или оляпокъ, и одна изъ нихъ при мнѣ нѣсколько разъ бросилась въ воду съ головою, чтобы добыть себѣ пищу; бѣлозобыхъ дроздовъ встрѣтили не менѣе десятка, а крикъ перепеловъ, не смотря на не особенно раннее время года (29 іюля), безпрерывно раздавался во всѣхъ направленіяхъ. Чеканы, щеврицы и овсянки также попадались въ изобиліи.

Въ этотъ же день намъ предстояло еще совершить не особенно легкое дѣло, именно перебраться черезъ хребетъ, раздѣляющій долины Архона и Фіагъ-дона. Дорога на этотъ хребетъ, поднимающійся тысячъ до 8 футовъ, шла сначала, какъ уже сказано, по долинѣ Джими, а потомъ—поворачивала вправо (на югъ) и выходила изъ долины на сосѣднюю гору. Здѣсь она также тянулась по прекраснымъ лугамъ до самаго перевала. Подъемъ все время былъ довольно легокъ, а самый перевалъ представлялъ очень пологій, сильно притупленный сверху гребень, также покрытый прекрасною растительностью. Здѣсь мы снова сдѣлали привалъ, но уже не столько для себя, сколько для своихъ лошадей, которыхъ надо было хорошо покормить. Крикъ перепеловъ и здѣсь не прекращался ни на минуту, а издали, изъ лѣса довольно часто доносился до насъ крикъ обыкновенной кукушки.

Спускъ въ долину Фіагъ-дона хотя и уступаетъ по своей красотѣ подъему на хребетъ со стороны Джими, но тѣмъ не менѣе онъ очень красивъ. Всюду разстилаются здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги зеленые луга; вдали на востокѣ виднѣется широкая просторная долина Фіагъ-дона; на сѣверѣ возвышается безснѣжная, но очень высокая гора Каріухохъ; а на югѣ—Боковой хребетъ, покрытый на верху вѣчными снѣгами и ледниками. Значительная часть его была, однако, закрыта облаками, и потому мы не могли видѣть его хорошо.

Спустившись тысячи на полторы футовъ ниже перевала, мы выбрали очень удобное для стоянки мѣсто и рѣшили здѣсь остаться до слѣдующаго утра. Это было часа за два до заката солнца.

Мѣстность вокругъ насъ имѣла необыкновенно живописный видъ. Во всѣхъ направленіяхъ разстилались прекрасные горные луга, со множествомъ разнообразныхъ цвѣтовъ; шагахъ въ 30—40 отъ нашей стоянки, въ узкой, глубокой балкѣ, со склонами, также покрытыми зеленой травой, струился небольшой ручеекъ, а за нимъ тянулся, чуть не до линіи вѣч-

ныхъ снѣговъ, крутой откосъ, внизу покрытый травой, выше-же—густымъ, мелкимъ березовымъ лѣсомъ. За этимъ послѣднимъ, въ свою очередь, вздымались темносѣрые утесы скалъ, почти лишенные растительности. Невольно обращала на себя вниманіе на этомъ склонѣ красивая березовая рощица, заключающая не менѣе сотни стройныхъ деревьевъ среднихъ размѣровъ. Съ перваго взгляда можно было догадаться, что она посажена въ силу особенныхъ обстоятельствъ, именно почитаясь священной. Самая замѣчательная картина открывалась еще дальше въ южномъ и юго-восточномъ направленіяхъ, гдѣ гигантской стѣной поднимался Боковой Кавказскій хребетъ. Внизу онъ также былъ украшенъ лугами, а выше, надъ послѣдними зелеными уступами его, тянулись безконечныя черныя галлереи скалъ, покрытыхъ на верху вѣчными снѣгами и льдами. Около нихъ клубились, медленно переползая съ одного мѣста на другое, густыя, темносѣрыя облака, скрывавшія то ту, то другую часть ихъ отъ нашихъ глазъ.

Передъ заходомъ солнца тучи начали спускаться все ниже и ниже, предвѣщая ненастье въ самомъ близкомъ будущемъ. Мы поторопились разбить палатку, окопали ее канавкой, чтобы ночью, въ случаѣ сильнаго дождя, вода не подтекала подъ насъ, и привели въ порядокъ всѣ свои вещи. Дождь, дѣйствительно, не заставилъ себя долго ждать, и намъ пришлось передъ сномъ закусывать подъ его музыку. Часовъ въ 9 онъ пересталъ идти и далъ намъ покойно заснуть, а потомъ снова началъ лить съ еще большей силой. Въ теченіи ночи каждый изъ насъ просыпался неоднократно и каждый разъ убѣждался, что дождь не прекращался ни на минуту. Онъ продолжалъ идти даже послѣ разсвѣта и пересталъ только часовъ въ 6 утра. Каждый путешествующій въ горахъ долженъ мириться съ подобными невзгодами и, пожалуй, еще благодарить судьбу, если онѣ не случаются изо дня въ день.

Какъ только дождь прекратился, мы поднялись и вышли изъ своего тѣснаго, сырого убѣжища. Сами мы были совершенно сухи, а намокли слегка, и притомъ только съ одной стороны, бурки, которыми мы укрывались. Трава вокругъ палатки оказалась залитой водой, и потому идти куда-нибудь далеко нельзя было. Я занялся осмотромъ ближайшихъ къ намъ предметовъ и замѣтилъ, что основа горъ и здѣсь состояла изъ шифра, который только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступалъ надъ поверхностью земли; но за то здѣсь-же валялось множество огромныхъ глыбъ известняка, скатившихся сюда по всей вѣроятности съ известковаго хребта Черныхъ горъ, отстоящихъ отъ нашего бивуака версты на три къ сѣверу. Всѣ эти глыбы лежатъ на самой поверхности земли и настоящее

мѣсторожденіе ихъ было, очевидно, не здѣсь. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли огромную величину (не менѣе 10 куб. сажень). Въ щели и трещины одной изъ нихъ было воткнуто много палочекъ съ навѣшанными на нихъ цвѣтными лоскутками. Безъ сомнѣнія и это была какая-то осетинская святыня.

Часовъ въ 8 утра выглянуло солнце, трава начала просыхать, а горы очищаться отъ облаковъ и тумана. Я и Шумовъ рѣшили подняться на ближайшій къ намъ склонъ, чтобы съ него лучше разсмотрѣть горы, находившіяся противъ насъ съ южной стороны. Поднявшись футовъ на 300, мы дѣйствительно могли видѣть гораздо больше, чѣмъ отъ палатки.

Замѣчательная картина открывалась намъ на югѣ. Здѣсь прежде всего обращали на себя вниманіе два великана Царитъ-хохъ и Сырхубарзонъ, составляющіе контръ-форсы Бокового хребта и возвышающіеся первый съ правой стороны долины Фіагъ-дона, а второй съ лѣвой. Внизу они были покрыты зеленью, выше тянулись безконечныя галлереи черныхъ аспидныхъ скалъ, а надъ ними наконецъ вѣчные снѣга и льды.

Боковой хребетъ былъ видѣнъ отсюда на довольно значительномъ протяженіи; были видны покрытыя снѣгами горы въ верховьяхъ Фіагъ-дона, его глубокая долина и долины двухъ небольшихъ рѣчекъ, получающихъ начало также на снѣгахъ сѣвернаго склона Бокового хребта и впадающихъ въ Фіагъ-донъ съ правой стороны.

По мѣрѣ того, какъ облака поднимались выше и выше и постепенно исчезали, все болѣе и болѣе чудная панорама горъ открывалась передъ нашими глазами. Необыкновенно прозрачный утренній воздухъ дѣлалъ ее еще болѣе восхитительной и позволялъ даже за много верстъ различать всѣ мельчайшія подробности въ строеніи и очертаніи горъ. Трещины на вѣчныхъ снѣгахъ и глетчерахъ, ямы и выступы, даже незначительныя бороздки или полоски на фирнѣ, сдѣланныя снѣжнымъ комкомъ, скатившимся сверху, все это было видно съ поразительною отчетливостью и какъ будто-бы въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

Изъ трехъ только-что упомянутыхъ долинъ, восточнѣе всѣхъ лежитъ долина рѣчки Аксау-дона, впадающей въ Фіагъ-донъ около аула Лаца. Эта рѣчка имѣетъ всего верстъ 6—7 въ длину, а въ верховьяхъ ея находится только одно снѣжное поле, не особенно большихъ размѣровъ которое въ нижней части превращается въ узкій фирнъ-глетчеръ. На срединѣ долины онъ сильно съуживается, черезъ что на немъ образуется глубокій перехватъ. Даже издали можно замѣтить, что ледъ здѣсь часто трескается и обламывается, образуя ледопады; главной причиной ихъ служитъ, конечно, большая крутизна склона, на которомъ виситъ глет-

черъ. Длина его вѣроятно около версты, а питается онъ снѣгами Царитъ-хоха. Зимою воды съ него почти не течетъ и рѣчка Аксау-донъ, какъ разсказываютъ здѣшніе жители, замерзаетъ и также перестаетъ течь.

Далѣе къ западу находится ущелье той небольшой рѣчки, которая впадаетъ въ Фіагъ-донъ съ правой же стороны, но выше Аксау-дона, именно вблизи аула Хейдекуша. Верховье этой рѣчки необыкновенно красиво; оно представляетъ громадный амфитеатръ изъ черныхъ зубчатыхъ скалъ, покрытыхъ на самомъ верху ослѣпительно бѣлыми полями вѣчнаго снѣга. Изъ него во многихъ мѣстахъ торчатъ черные, какъ уголь, остроконечныя скалы, и кромѣ того отчетливо видно множество трещинъ, изъ глубины которыхъ проглядываетъ не бѣлый, а уже сильно уплотнившійся голубовато-зеленый снѣгъ, переходящій въ ледъ. Въ сосѣдствѣ съ верховьями этой рѣчки, горы также представляютъ цѣлый лабиринтъ черныхъ скалъ, торчащихъ изъ снѣжныхъ полей. Съ этихъ послѣднихъ спускается на сѣверную сторону нѣсколько фирнъ-глетчеровъ, изъ которыхъ два тянутся значительно ниже другихъ и сливаются внизу въ одно ледяное поле, спускающееся болѣе или менѣе глубоко въ долину. Этотъ ледникъ носитъ названіе Касанъ-дуръ-чете. Во многихъ мѣстахъ на фирнъ-глетчерахъ находятся большія трещины, вблизи которыхъ, вѣроятно, также случаются частые ледяные обвалы. Вся нижняя часть ледника сплошь завалена щебнемъ. Въ прошломъ году Кассанъ-дуръ-чете былъ посѣщенъ Н. И. Кузнецовымъ. Онъ считаетъ его за ледникъ перваго разряда, замѣчая при этомъ, что нижняя, долинная часть его, очень невелика. По словамъ того-же автора, этотъ ледникъ окруженъ мощными древними моренами, которыя только версты на 2 не доходятъ до аула Хейдекуша (*). Съ боковъ фирнъ-глетчеровъ по всѣмъ углубленіямъ черныхъ скалъ тянутся еще узкія, извилистыя ленты бѣлаго снѣга, которыя образуютъ въ высшей степени нѣжную, красивую, блестящую и рѣзко-выдѣляющуюся на черномъ фонѣ скалъ, сѣтку, въ родѣ кружевъ или тонкой ажурной работы. Вмѣстѣ съ огромными снѣжными полями она больше чѣмъ что-либо, придавала необыкновенную красоту этимъ горамъ.

Еще дальше къ западу, отъ только-что описаннаго мѣста, тянется долина Фіагъ-дона. Она гораздо шире и несравненно длиннѣе двухъ предыдущихъ.

Надо замѣтить, что Боковой хребетъ противъ истоковъ этой рѣчки дѣлаетъ довольно значительный изгибъ, въ видѣ дуги, обращенной выпуклой стороной къ югу; поэтому начало Фіагъ-дона находится значитель-

(*) Путешествіе по Кавказу лѣтомъ 1890 г. Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ. т. XXVI стр. 419.

но южнѣе, чѣмъ двухъ его небольшихъ притоковъ, и чрезъ это долина его должна была представляться намъ значительно длиннѣе. Я говорю, конечно, о ея протяженіи къ югу; на сѣверъ-же она тянется на нѣсколько десятковъ верстъ дальше, чѣмъ сосѣднія съ нею. Если за начало и конецъ дуги, образовавшейся вслѣдствіе изгиба Бокового хребта, принять массивы Царитъ-хоха и Сырху-барзона, то вся дуга окажется неменѣе какъ въ $^3/_4$ окружности и только въ одномъ мѣстѣ будетъ прерываться для того, чтобы дать выходъ водамъ Фіагъ-дона. По бокамъ этого узкаго прохода возвышаются Сырхи-барзонтъ и Царитъ-хохъ; если смотрѣть на нихъ и вообще на эту часть Бокового хребта съ сѣвера, то покажется, что Фіагъ-донъ, подобно нѣкоторымъ другимъ рѣкамъ Кавказа (Ардонъ, Терекъ), прорѣзываетъ Боковой хребетъ и получаетъ начало не на немъ, а на лежащемъ за нимъ Главномъ хребтѣ; въ дѣйствительности же этого нѣтъ.

Самая верхняя часть долины Фіагъ-дона, находящаяся выше упомянутаго прохода, была видна намъ только отчасти и по преимуществу съ правой стороны. Здѣсь тянулся высокій кряжъ, покрытый почти сплошными снѣжными полями, у нижняго края которыхъ висѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фирнъ-глетчеры. По разсказамъ жителей Куртатинскаго ущелья, большихъ ледниковъ въ верховьяхъ Фіагъ-дона не существуетъ: но есть два такихъ, длина которыхъ доходитъ верстъ до двухъ. Одинъ изъ нихъ въ общихъ чертахъ описанъ въ упомянутой уже статьѣ Н. Кузнецова. Этотъ ледникъ, подобно Девдоракскому, замѣчателенъ по огромнымъ заваламъ, причинявшимъ прежде немало бѣдъ.

Окрестности нашей стоянки отличались изрядным богатством по отношенію къ пернатому населенію. Прежде всего обратили на себя наше вниманіе великаны изъ класса птицъ умѣренныхъ странъ, а именно бурые грифы (Gyps fulvus), и ягнятники (Gypaëtos barbatus,L). Первыхъ мы видѣли около десятка; что же касается послѣднихъ, то они здѣсь точно также, какъ въ прочихъ мѣстахъ Кавказа, да и во всѣхъ другихъ странахъ, попадаются гораздо рѣже. Ихъ мы видали всего два экземпляра. На одномъ огромномъ камнѣ, лежащемъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей палатки, мы наблюдали еще двухъ интересныхъ совъ. Ростомъ онѣ были меньше перепелки, голову имѣли среднихъ размѣровъ, безъ торчащихъ ушныхъ перьевъ и съ слабо развитымъ вѣеромъ вокругъ глазъ. Основной цвѣтъ ихъ перьевъ, насколько можно было судить издали, шоколадно-сѣрый или сѣробурый и на немъ замѣтно было множество мелкихъ пестринокъ. По росту и другимъ признакамъ эти маленькія совы сильно напоминали сыча-малютку (Glaucidium passerinum L),

существованіе котораго на Кавказѣ, какъ кажется, еще строго не доказано *). Я очень жалѣю, что не могъ убить хотя одну изъ нихъ, чтобы точно опредѣлить видъ. Трудно допустить, чтобы это былъ обыкновенный сычъ (Ephialtes scops), котораго можно отличить по замѣтно выдающимся перьямъ надъ ушами; кромѣ того я рѣшительно ни разу не слышалъ голоса этого сыча въ горахъ, что при его крикливости было бы совершенно невозможно, если бы онъ хотя изрѣдка водился здѣсь. На тѣхъ же самыхъ камняхъ мы видѣли пару горныхъ вьюрковъ (Plectrophingilla alpicola, Pall). Они устроили здѣсь въ трещинѣ камня, на высотѣ сажень двухъ отъ земли, гнѣздо и во время нашего пребыванія на этомъ мѣстѣ (29—30 іюня) безпрерывно таскали пищу своимъ птенцамъ. Недалеко отъ стоянки мы видѣли еще красивыхъ каменныхъ дроздовъ (Petrocincla saxatilis). О многихъ мелкихъ птичкахъ, большею частью такихъ-же, какихъ мы видали во время пути, я не упоминаю.

Часовъ въ 9 утра мы начали понемногу укладывать свое имущество, просушили палатку и еще нѣкоторыя вещи, намоченныя дождемъ во время ночи, и часу въ одиннадцатомъ тронулись въ путь. Передъ нашимъ выступленіемъ случилось еще одно интересное обстоятельство. Изъ аула Кора, отстоящаго отъ нашей стоянки, какъ было уже замѣчено, не болѣе, чѣмъ на версту, явился къ намъ одинъ осетинъ и затѣялъ съ нашими проводниками очень жаркій разговоръ. Когда я потомъ спросилъ ихъ о чемъ онъ толковалъ, то узналъ, что мы навлекли неудовольствіе жителей, остановившись на этомъ мѣстѣ, которое считается у нихъ священнымъ, и потому должно не только содержаться всегда въ чистотѣ, но и не можетъ безъ особенной нужды попираться ногами людей или животныхъ. Кромѣ того онъ говорилъ, что дождь, мочившій насъ въ теченіе почти цѣлой ночи, былъ посланъ именно въ наказаніе намъ за неуваженіе къ осетинской святынѣ.

Дорога отъ нашей стоянки шла мимо Кора внизъ, къ Фіагъ-дону. Она спускалась довольно круто и послѣ дождя оказалась грязной и скользкой, и поэтому ѣхать по ней было не особенно хорошо. Солнце въ это время палило такъ сильно, что мы, несмотря на очень изрядную высоту этихъ мѣстъ и близость снѣжныхъ полей, должны были путешествовать въ самомъ легкомъ лѣтнемъ платьѣ.

*) Е. Менетріэ въ своемъ Catalogue raisonné des objets zoologiques (p. 28) говоритъ, что эта птица очень обыкновенна на Кавказѣ; но, какъ замѣтилъ М. Н. Богдановъ (Птицы Кавказа стр. 51), Менетріэ принялъ за сыча-малютку сыча обыкновеннаго (Athene noctua). Г. Радде говоритъ (Орнитолог. фауна Кавк., стр. 90), что ему только одинъ разъ, именно вблизи Боржома, удалось видѣть сыча-малютку.

Въ полдень мы достигли маленькаго аула, расположеннаго вблизи сліянія ручья, текущаго мимо Кора, съ Фіагъ-дономъ. Здѣсь я былъ немало удивленъ, увидѣвъ хорошенькій, весьма правильно распланированный маленькій садикъ съ различными фруктовыми деревьями, на большей части которыхъ находилось довольно много еще незрѣлыхъ плодовъ. Такой садикъ въ среднемъ поясѣ горъ большая рѣдкость и, если не ошибаюсь, мнѣ пришлось видѣть его всего во второй или третій разъ. Существованіе его на такой высотѣ (приблизительно 4500 ф.) показываетъ, что фруктовыя деревья отлично могли бы расти въ большей части ущелій Сѣвернаго Кавказа, если бы горцы сколько нибудь позаботились о разведеніи ихъ.

II.

ДОЛИНЫ ФІАГЪ-ДОНА И ГИЗЕЛЬ-ДОНА.

Рѣка Фіагъ-донъ. Растительность. Древнія морены. Аулъ Лацъ Дорога къ Гизель-дону. Аулъ Дзуарикау. Долина Гизель-дона. Громадныя древнія морены и эрратическіе камни. Аулъ Джимара. Верховья Гизель-дона. Ледяные обвалы. Ледникъ Гизель-дона. Обратный путь Аулъ Даргавсъ и дорога до Тменикау.

Проѣхавъ аулъ, мы очутились на самомъ днѣ долины Фіагъ-дона Эта довольно большая горная рѣчка получаетъ начало, какъ уже сказано, на склонахъ Бокового Кавказскаго хребта, на протяженіи верстъ 50 несется въ горахъ въ глубокой долинѣ, а потомъ выходитъ на плоскость и здѣсь, пробѣжавъ еще около 30 верстъ, впадаетъ наконецъ въ Ардонъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Фіагъ-донъ прорѣзываетъ дугу или изгибъ Бокового хребта, его долина ограничивается съ боковъ высокими горами, поднимающимися болѣе чѣмъ до 13000 ф. Съ лѣвой стороны ея возвышается, кромѣ Сырху-барзона, Архонъ и Тепли (14510 ф.), а съ правой Царитъ-хохъ и Джимарай-хохъ. *) Ниже этого мѣста долина сначала дѣлается значительно шире, просторнѣе и ограничивается съ боковъ гораздо менѣе высокими горами, склоны которыхъ почти лишены скал

*) На пятиверстной картѣ Кавказа расположеніе этихъ вершинъ показано иначе. Сырху-барзонъ обозначенъ по ней не по лѣвую сторону долины Фіагъ-дона, а по правую. Я заводилъ объ этомъ разговоръ съ нѣсколькими изъ жителей ближайшихъ къ горѣ ауловъ (Лаца, Хейдекуша) и они каждый разъ показывали мнѣ Сырху-барзонъ съ западной т. е. лѣвой стороны долины. Кромѣ того на картѣ названіе этойгоры

и покрыты зеленой травой. Лѣсовъ здѣсь нѣтъ, хотя по словамъ жителей въ прежнія времена они росли въ изобиліи. Еще верстъ на 15—20 ниже первой тѣснины, долина Фіагъ-дона снова сильно съуживается, такъ какъ рѣка въ этомъ мѣстѣ прорѣзываетъ хребетъ такъ-называемыхъ Черныхъ горъ. Эти послѣднія совершенно лишены вѣчныхъ снѣговъ, съ южной стороны безлѣсны, а съ сѣверной, обращенной къ равнинамъ Кавказа, покрыты густыми лѣсами. Здѣсь съ лѣвой стороны долины поднимается бросающаяся издали въ глаза гора Каріу-хохъ, важная какъ давнишній тригонометрическій пунктъ.—Она хорошо видна изъ Алагира, Владикавказа и многихъ мѣстъ и имѣетъ высоту въ 11164 фут.

Отсутствіе лѣсовъ въ продольной долинѣ, лежащей между снѣговымъ хребтомъ и Черными горами, замѣчается не только въ этой мѣстности, но почти на всемъ протяженіи центральной и восточной части сѣвернаго склона Кавказа. Объясняется оно главнымъ образомъ особенностями въ распредѣленіи атмосферныхъ осадковъ.

Извѣстно, что огромное количество ихъ выдѣляется на первыхъ уступахъ горъ, т. е. тамъ, гдѣ кончаются равнины и начинается болѣе или менѣе значительный подъемъ. Такимъ образомъ часто случается, что въ то время, когда напр. въ Алагирѣ или Владикавказѣ ежедневно идутъ дожди, въ горахъ стоитъ засуха. Нѣсколько разъ мнѣ самому приходилось наблюдать такое явленіе; о немъ упоминаютъ и другіе авторы. Объясняется оно слѣдующимъ образомъ. Воздухъ, притекающій съ равнинъ, поднимаясь на горы, расширяется вслѣдствіе уменьшенія давленія и черезъ это становится холоднѣе; кромѣ того, температура его понижается еще отъ соприкосновенія съ болѣе холодными вершинами и склонами горъ. Такимъ образомъ, если этотъ воздухъ будетъ содержать въ себѣ пары, то ему придется вслѣдствіе охлажденія выдѣлить большую часть ихъ на сѣверномъ склонѣ Черныхъ горъ; въ продольную-же долину, находящуюся по другую сторону хребта, онъ попадетъ, уже лишившись значительной доли своей влаги; поэтому здѣсь осадковъ будетъ значительно меньше, черезъ что и растительность станетъ развиваться

„Сырху-барзой"—неправильно; правильнѣе будетъ „Сырху-барзонъ", что означаетъ—красная вершина. Говорятъ, что на самомъ верху этой горы есть красныя скалы, за которыя она и получила свое названіе. Другая вершина—Джимарай-хохъ—на картѣ обозначена также не тамъ, гдѣ указываютъ жители, а восточнѣе, именно рядомъ съ Казбекомъ. Послѣднее также едвали вѣрно, такъ какъ аулъ Джимара находится на Гизельдонѣ и весьма недалекъ отъ той вершины, которая находится между Фіагъ-дономъ и Гизель-дономъ и называется мѣстными жителями Джимарай-хохомъ, т. е. Джимарайскою горою.

съ гораздо меньшей силой. На сѣверномъ склонѣ Черныхъ горъ лѣса, вслѣдствіе благопріятныхъ климатическихъ условій, растутъ очень быстро и иногда вновь появляются на мѣстахъ, гдѣ передъ тѣмъ были уничтожены; поэтому, несмотря на страшное варварское истребленіе, они все еще кое-какъ держатся; на другой же сторонѣ Черныхъ горъ лѣса уже исчезли подъ ударами топора, а молодая поросль отъ уцѣлѣвшихъ кое-гдѣ пеньковъ гибнетъ отъ зубовъ и копытъ домашняго скота. Истребленію лѣсовъ способствуетъ отчасти и относительно большая густота населенія продольной долины.

Иную картину мы видимъ въ Кубанской области, въ особенности въ западной половинѣ ея. Тамъ, какъ и вообще на западномъ Кавказѣ, атмосферныхъ осадковъ огромное количество; очень много выпадаетъ ихъ и въ продольной долинѣ, о которой идетъ рѣчь, поэтому она до сихъ поръ покрыта почти сплошными лѣсами. Густые дремучіе лѣса покрываютъ такимъ образомъ всѣ горы, ущелья и долины въ верховьяхъ Лабы, Бѣлой, Пшехи и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ сѣверозападнаго Кавказа. Жители многихъ станицъ здѣсь до сихъ поръ жалуются, что имъ негдѣ ни косить, ни сѣять. Надо замѣтить, что огромные, почти сплошные лѣса покрывали эти мѣста и во времена до покоренія Кавказа, когда всѣ горы были населены очень густо. Безчисленное множество садовъ съ прекрасными фруктовыми деревьями, разбросанныхъ оазисами среди лѣсовъ, доказываетъ, что здѣсь во времена горцевъ процвѣтало и садоводство. Въ восточной же части Кавказа, да и во всей почти Терской области, мы встрѣчаемся съ явленіями ксерофилизаціи, т. е. замѣны лѣсовъ жестколистными, часто колючими кустарниками. Къ нимъ принадлежатъ таволга (Spiraea crenata), крушина (Rhamnus), барбарисъ и, кромѣ того, нѣкоторые полукустарники, какъ напр. Astragalus pseudotragacantha, колючки которыхъ такъ остры, тонки и длинны, что къ нему побоится даже прикоснуться какое-нибудь животное, напр. корова или овца.

Спустившись на самое дно долины, мы увидѣли картину, достойную вниманія. Послѣ дождя, который мочилъ насъ въ теченіи всей ночи и, вѣроятно, лишь часа два тому назадъ пересталъ литъ въ верховьяхъ Фіагъ-дона, вода въ этомъ послѣднемъ сильно прибыла и мѣстами выступила изъ береговъ. Рѣчка эта вообще очень быстра, но теперь теченіе ея было поистинѣ ужасное, а желтовато-сѣрая вода сдѣлалась мутной, какъ грязь. Всюду она была покрыта волнами, пѣной, брызгами и кипѣла, какъ въ котлѣ. Такъ какъ Фіагъ-донъ течетъ здѣсь по долинѣ довольно просторной, ровной и окруженъ низкими берегами, то мы сво-

нимъ взоромъ сразу могли окинуть его на пространствѣ версты въ полторы или даже болѣе. Онъ несся по дну долины, изгибаясь на подобіе змѣи, то въ ту, то въ другую сторону, и былъ въ это время весь въ движеніи, прыгалъ, метался изъ стороны въ сторону и издавалъ страшный шумъ. Въ тотъ моментъ, сходство его съ какимъ-нибудь сказочнымъ чудовищемъ или гигантской змѣей не могло не придти на умъ. Казалось, что это чудовище находится въ агоніи, испытываетъ страшныя муки, и потому бьется, мечется, извивается во всѣ стороны, реветъ, но никакъ не можетъ освободиться отъ своихъ мученій.

Въ полуверстѣ отъ Кора мы переѣхали по мосту черезъ Фіагъ-донъ, а дальше отправились внизъ, сначала по правому берегу рѣки, а потомъ вблизи Хейдекуша снова перебрались на лѣвый. Здѣсь влѣво отъ дороги были видны огромные наносы изъ щебня, песку и каменныхъ глыбъ всевозможныхъ величинъ. Безъ сомнѣнія это древняя морена огромнаго глетчера, спускавшагося въ ледниковый періодъ съ горъ, въ верховьяхъ Фіагъ-дона. Читателю, можетъ быть, извѣстно, что академикъ Абихъ, швейцарскій ученый Э. Фавръ и нѣкоторые другіе доказали, что въ долинахъ, сосѣднихъ съ этой, или находящихся не особенно далеко отъ нея (долины Ардона, Терека, Уруха), эрратическія образованія, въ видѣ моренъ, валуновъ, царапинъ и шлифованныхъ поверхностей, встрѣчаются всюду и при томъ могутъ быть прослѣжены до выхода этихъ долинъ на плоскость; поэтому трудно было бы ожидать, что въ долинѣ Фіагъ-дона подобныхъ образованій не существовало. Навѣрно они сохранились и ниже Лаца, но тамъ, кажется, никѣмъ не были наблюдаемы. Въ ледниковый періодъ котловина, находящаяся въ верховьяхъ Фіагъ-дона и теперь дающая мѣсто нѣсколькимъ ледникамъ, была, вѣроятно, вся наполнена льдомъ, который черезъ проходъ между Сырху-барзономъ и Царитъ-хохомъ проникалъ въ продольную долину, гдѣ расположены теперь аулы Хейдекушъ, Лацъ и т. д., останавливаясь здѣсь или даже спускаясь еще ниже.

Часа въ 4 пополудни мы прибыли въ Лацъ, расположенный на правомъ берегу Фіагъ-дона и на высотѣ слишкомъ 4300 ф. надъ уровн моря. Лацъ для ближайшихъ ауловъ теперь представляетъ нѣкоторымъ. образомъ административный центръ („приходъ"): здѣсь находится канцелярія, живетъ писарь и старшина, въ вѣдѣніи котораго находится нѣсколько ауловъ; въ немъ-же имѣются и верховыя лошади, содержимыя обывателями, и служащія для проѣзда мѣстной администраціи или другихъ лицъ, имѣющихъ открытый листъ. Въ Лацѣ мы должны были отпустить одного изъ проводниковъ, именно того, который былъ взятъ нами

вмѣстѣ съ двумя верховыми лошадьми еще въ Уналѣ, въ первый день нашего путешествія, нанять для себя другихъ лошадей и на нихъ отправиться дальше. Такъ какъ лошади находились на пастьбѣ и могли быть доставлены только къ утру, то намъ пришлось переночевать въ аулѣ у одного изъ жителей, предложившаго намъ довольно сносную комнату. На слѣдующій день, въ 8 час. утра, мы выступили изъ Лаца. Чтобы миновать высокую гору, находящуюся непосредственно за ауломъ, мы проѣхали еще версты двѣ внизъ по Фіагъ-дону, а потомъ свернули вправо и стали подниматься на хребетъ, по другую сторону котораго тянется долина Гизель-дона. Дорога здѣсь шла вдоль небольшой рѣчки Дзуарикау-донъ, впадающей съ правой стороны въ Фіагъ-донъ. Русло ея замѣчательно въ томъ отношеніи, что переполнено обломками разнообразныхъ минераловъ и притомъ нерѣдко довольно красивыхъ. Здѣсь очень часто попадается свинцовый блескъ, куски мѣднаго и желѣзнаго колчедана, молочный кварцъ, зеленая кремнистая брекчія, известковый конгломератъ и плотный глинистый сланецъ съ прослойками кварца.

Довольно долго наша тропинка шла вдоль самаго берега рѣчки, а потомъ повернула вправо, на склонъ долины Дзуарикау-дона и потянулась по красивой мѣстности, покрытой сплошными лугами. Здѣсь они были еще свѣжѣе и пышнѣе, чѣмъ между Джими и Кора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они представлялись почти совершенно розовыми отъ необыкновеннаго изобилія шпажниковъ (Gladiolus communis). Въ особенности красива была мѣстность вправо отъ дороги: она представляла множество неглубокихъ балокъ и котловинъ, покрытыхъ самою роскошною растительностью. Птицъ, конечно, было здѣсь тоже не мало. Мы видѣли нѣсколькихъ черныхъ грифовъ (Vultur monachus,L), красивыхъ каменныхъ дроздовъ (Petrocincla saxatilis) и много мелкихъ пташекъ. Съ вершины хребта, раздѣляющаго долины Гизель-дона и Фіагъ-дона, открывается по обѣ стороны прекрасные виды. Въ особенности красивой показалась намъ долина Гизель-дона, который раздѣлялся здѣсь на многіе рукава, извивающіеся по широкому плоскому дну долины и окаймленные съ обѣихъ сторонъ лентами изъ разноцвѣтныхъ рѣчныхъ валуновъ. Спускъ съ этого хребта въ долину Гизель-дона по красотѣ мѣстности и разнообразію растительности сильно однако уступалъ подъему на хребетъ.

Спустившись съ горы, мы прошли недалеко отъ ауловъ Ламардона и Кадидура и направились вверхъ по Гизель-дону, къ аулу Джимара.

Мѣстность верстахъ въ двухъ ниже этого аула въ высшей степени

интересна въ геологическомъ отношеніи. Здѣсь съ поразительною отчетливостью сохранились слѣды ледниковаго періода, въ видѣ такихъ громадныхъ моренъ, какихъ почти нигдѣ на Кавказѣ не встрѣчается. Онѣ представляютъ цѣлый рядъ огромныхъ валовъ, идущихъ параллельно другъ-другу и раздѣленныхъ глубокими впадинами. Наиболѣе высокіе изъ нихъ лежатъ футовъ 500 или 600 выше уровня рѣки. Громадные боковыя морены бывшаго ледника, расположившіеся здѣсь въ 4 параллельныхъ ряда, покрыты сверху травой и усѣяны то болѣе мелкими, то достигающими громадныхъ размѣровъ валунами. Эти морены надъ рѣкою образуютъ крутой, отвѣсный уступъ, который обнаруживаетъ самое характерное моренное строеніе. Моренный илъ, щебень, мелкіе камни и глыбы въ тысячи пудовъ вѣсомъ, все это перемѣшано здѣсь безъ всякаго порядка или сортировки. Такія громадныя морены особенно бросаются въ глаза на правой сторонѣ Гизель-дона; на лѣвой-же—онѣ значительно меньше. Это происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что лѣвый склонъ долины гораздо круче и морены его подверглись болѣе сильному сползанію и размыванію. Такія морены тянутся безъ перерыва до самаго аула, да и этотъ послѣдній построенъ на гребнѣ одной изъ нихъ. Огромные валуны всюду навалены по обѣимъ сторонамъ рѣки, все русло ея почти непрерывно загромождено ими и вода съ страшнымъ шумомъ прорывается среди нихъ. Многіе валуны лежатъ въ весьма неустойчивомъ положеніи надъ кручей, образующей высокій берегъ рѣки, и въ скоромъ времени должны будутъ свалиться въ нее. Особенно много крупныхъ валуновъ находится у нижняго конца аула; здѣсь нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 2 сажень въ длину и почти такую-же ширину и высоту, достигая такимъ образомъ объема около десяти кубическихъ сажень; валуны же въ 2—3 куб. сажени встрѣчаются часто и ихъ, безъ сомнѣнія, можно насчитать цѣлыя тысячи. Всѣ они состоятъ изъ одного и того-же вещества, именно свѣтло-сѣраго кварцита.

Самое ущелье передъ аломъ ничего особеннаго не представляетъ, но съ этихъ мѣстъ хорошо видны верховья Гизель-дона, высокія горы, окружающія его, огромныя снѣжныя поля и большой ледникъ.

Въ Джимара мы пріѣхали часа за три до вечера. Это маленькій аулъ, расположенный на лѣвой сторонѣ Гизель-дона на высотѣ около 5750 ф. н, какъ уже было замѣчено, по гребню огромной древней морены. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дворовъ и съ восточной стороны окаймляется небольшой красивой площадкой, врѣзывающейся угломъ въ самый аулъ и покрытой свѣтлозеленой травкой. Мы думали сначала остановиться на ней и расположиться въ своей палаткѣ; но потомъ это

предположеніе нами было оставлено и мы отправиться къ одному изъ здѣшнихъ жителей, человѣку извѣстному нашимъ проводникамъ съ хорошей стороны.

Здѣсь намъ отвели небольшую саклю въ одну комнату, но не успѣли мы внести въ нее свое имущество, а уже цѣлый аулъ собрался смотрѣть на насъ, какъ на какое-нибудь чудо. Это, впрочемъ, и понятно: маленькій аулъ Джимара лежитъ въ самой глухой части горъ и въ него почти никогда не заглядываетъ никто изъ русскихъ или вообще чужестранцевъ, поэтому многіе изъ жителей его, въ особенности женщины и дѣти, навѣрно еще ни разу не видѣли русскихъ людей. При такихъ условіяхъ мы, конечно, могли казаться имъ чѣмъ-то диковиннымъ. Мальчишки, дѣвчонки, женщины и мужчины наполняли нетолько весь дворъ нашего хозяина, но и взобрались на плоскія крыши всѣхъ сосѣднихъ хатъ, осматривая насъ со всѣхъ сторонъ. П. Н. Венюковъ воспользовался случаемъ и снялъ съ этой пестрой толпы фотографическую карточку, оказавшуюся впослѣдствіи очень интересной.

За часъ предъ заходомъ солнца мы отправились осматривать аулъ и его ближайшія окрестности. Всюду намъ попадались громадные эрратическіе валуны. Непосредственно за нашимъ дворомъ съ западной стороны мѣстность поднимается уступами и здѣсь лежало два громадныхъ также эрратическихъ камня, при чемъ на одномъ изъ нихъ была выстроена цѣлая хата. Огромные валуны валяются и съ сѣверной стороны аула, у самой окраины его. Всѣ они совершенно сходны съ тѣми, которые мы видѣли раньше по пути къ аулу, и многіе изъ нихъ достигаютъ объема также въ нѣсколько кубическихъ сажень. Все русло рѣки и здѣсь загромождено огромными глыбами камня, которыя не могли быть занесены сюда иначе, какъ только льдомъ.

Жители Джимара произвели на насъ хорошее впечатлѣніе и мы, какъ кажется, пришлись имъ по душѣ, поэтому между нами скоро установились добрыя отношенія. Они съ готовностью исполняли всѣ наши желанія и постоянно толпились около насъ. Двѣ хозяйскія дочки по цѣлому часу сидѣли на порогѣ нашей комнаты, заходили внутрь ея или заглядывали въ окно. Родственники ихъ, кажется, смотрѣли на это не особенно одобрительно, но такъ какъ отца дѣвушекъ, человѣка, какъ намъ говорили, очень строгаго, не было дома, то онѣ и позволяли себѣ нѣкоторыя вольности.

На слѣдующій день, рано утромъ мы отправились къ верховьямъ Гизель-дона, главнымъ образомъ, съ цѣлью осмотрѣть его ледники, отстоящіе отъ аула верстъ на 7. На протяженіи первыхъ приблизительно

верстъ 4 по самому дну долины здѣсь идетъ очень хорошая дорога, и мѣстность по обѣимъ сторонамъ ея покрыта свѣжей зеленой травой и почти лишена камня, дальше-же она сильно измѣняется и становится до крайности каменистой; наконецъ на протяженіи послѣднихъ верстъ двухъ дорога теряется совершенно. Здѣсь все дно долины загромождено грудами каменныхъ обломковъ, частью принесенныхъ водою, частью-же свалившихся съ сосѣднихъ горъ. Ѣхать тутъ уже было невозможно и надо было продолжать путь пѣшкомъ; впрочемъ и идти оказалось страшно скверно; за то окружающія долину горы съ каждымъ шагомъ становились все красивѣе и красивѣе.

Когда оставалось до ледника съ версту, то съ восточной стороны намъ открылась короткая боковая долина съ двумя фирнъ-глетчерами. Одинъ изъ нихъ имѣетъ довольно порядочные размѣры и недалеко отъ нижняго своего конца сильно съуживается, вступая въ тѣсный проходъ между скалами.

Здѣсь русло его образуетъ почти отвѣсный уступъ. Свѣшиваясь съ крутого склона, ледникъ этотъ, вѣроятно, движется сравнительно быстро и какъ только переходитъ черезъ упомянутый уступъ, то обрывается и падаетъ внизъ, сбивая на пути скалы и увлекая за собою огромное количество камней. Говорятъ, что такіе завалы случаются здѣсь очень часто. Когда мы проходили противъ устья этой боковой долины, то нашъ проводникъ изъ всѣхъ силъ упрашивалъ насъ идти какъ можно скорѣе, такъ какъ, по его словамъ, въ лѣтнее время ледяные обвалы случаются здѣсь чуть не ежедневно. Это опасное мѣсто тянулось однако на протяженіи сажень полутораста и представляло такой хаосъ, гдѣ мы должны были все время карабкаться по грудамъ камней; по этому пройти его менѣе какъ минутъ въ 20 было невозможно.

Груды льда, не успѣвшаго еще растаять и перемѣшаннаго съ обломками недавно скатившихся камней, около того мѣста, гдѣ мы шли, самымъ краснорѣчивымъ образомъ говорили о томъ, что недаромъ мѣсто это считается опаснымъ. Мнѣ однако почему-то казалось, что обвала теперь произойти не можетъ, и я шелъ здѣсь медленно и совершенно покойно, собирая даже на ходу кое-какіе растенія и минералы.

Изъ этого ледника вытекаетъ небольшая рѣчка; течетъ она по страшно крутому ложу и образуетъ нѣсколько красивыхъ водопадовъ, имѣющихъ высоту отъ 10 до 15 сажень. Шумомъ своихъ водъ она оглашаетъ все ущелье.

Значительно выше этого фирнъ-глетчера есть еще другой, относительно короткій, но очень широкій. Онъ оканчивается отвѣстной ледяной

стѣной, вѣроятно, не менѣе 10—15 саж. высоты и представляющей всѣ признаки свѣжаго излома льда. Здѣсь, очевидно, также происходятъ частые обвалы, но по все вѣроятности гораздо болѣе внушительныхъ размѣровъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ было уже сказано. Большая крутизна склона, на которомъ виситъ этотъ фирнъ-глетчеръ, служитъ ручательствомъ тому, что безъ ледяныхъ обваловъ здѣсь дѣло обойтись не можетъ.

Съ лѣвой стороны ущелья въ Гизель-донъ мчится еще другая горная рѣчка. Она разбивается на множество отдѣльныхъ потоковъ, несущихся по страшной кручѣ, покрытыхъ пѣной и образующихъ безчисленное множество водопадовъ. Такъ какъ эта рѣчка течетъ по склону, обращенному къ востоку, то въ утренніе часы бываетъ освѣщена солнцемъ особенно сильно и блеститъ какъ серебро, усыпанное драгоцѣнными камнями. Именно въ такой моментъ и намъ пришлось ее видѣть. Нѣсколько ниже сліянія этой рѣчки съ Гизель-дономъ тянется небольшой березовый лѣсокъ, а надъ нимъ высокія черныя скалы.

Горныя породы около ледника состоятъ главнымъ образомъ изъ плотнаго глинистаго сланца (шифера) и кварцитовъ. Черный шиферъ, растертый льдомъ и увлеченный ручьями, текущими подъ глетчеромъ, попадая въ Гизель-донъ, придаетъ темносѣрый цвѣтъ его водамъ. Что касается птицъ, то въ этомъ ущельи мы видѣли двухъ великолѣпныхъ розовыхъ горныхъ щуровъ (Carpodacus rubicilla), кромѣ того горныхъ, вьюрковъ (Plectrofringilla alpicola Pall.), овсянокъ (Hylaespiza cia L), завирушекъ (Accentor alpinus Gm.) и нѣкоторыхъ другихъ; наконецъ нашъ проводникъ, желая разсмотрѣть, гдѣ можно удобнѣе пробраться къ леднику, и поторопившись для этого уйти впередъ, наткнулся на тура. Онъ былъ такъ недогадливъ, что вздумалъ кричать намъ и, конечно, этимъ заставилъ осторожное животное тотъ-часъ-же убѣжать вверхъ, въ скалы.

Путь къ главному леднику долины Гизель-дона оказался отвратительнымъ. Въ началѣ мы шли по дну долины, а потомъ стали медленно подниматься на правый склонъ ея. Здѣсь идти было особенно трудно, такъ какъ страшно крутой склонъ представлялъ почти сплошную осыпь. Взбираться на нее можно было не иначе, какъ только зигзагами; передъ самымъ ледникомъ мы увидѣли еще новое препятствіе, именно крутую поперечную балку, которая издали вовсе не была замѣтна. Одинъ склонъ ея представлялъ сплошныя осыпи, а другой крутыя скалы. Около нея, и при томъ высоко надъ дномъ долины, мы встрѣтили много roches moutonnées, положеніе которыхъ указываетъ, насколько великъ былъ ледникъ въ прежнія времена. Теперь, по моему приблизительному опредѣленію, онъ оканчивается на высотѣ около 7868 ф.

Въ верховьяхъ Гизель-дона находится только одинъ ледникъ перваго разряда, который имѣетъ однако довольно значительные размѣры. Внизу онъ очень узокъ, но эта съуженная часть тянется приблизительно только на полверсты. Съ лѣвой стороны на ней моренъ почти нѣтъ, съ правой-же глетчеръ на пространствѣ третьей части своей ширины покрытъ щебнемъ и камнями чернаго цвѣта. Нѣсколько выше онъ сразу сильно расширяется, обѣ стороны его покрываются моренами, средина-же продолжаетъ оставаться чистой и тянется вверхъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ почти по прямой линіи. На нижней узкой части ледника, въ особенности съ правой стороны его, много поперечныхъ трещинъ; кромѣ того здѣсь находятся продольныя широкія ложбины и выдающіеся между ними гребни; они явились вслѣдствіе бокового давленія на ледникъ, который въ этомъ мѣстѣ втискивается въ узкій проходъ между скалами. Своимъ нижнимъ концомъ этотъ ледникъ сильно напоминаетъ Девдоракскій. Подобно ему, онъ оканчивается узкимъ и страшно крутымъ выступомъ, изъ-подъ котораго вытекаетъ бурная мутная рѣчка.

Средняя, болѣе широкая часть ледника, слѣдующая за нижней узкой, значительно круче, и потому при началѣ ея ледникъ образуетъ какъбы перегибъ, проходящій въ поперечномъ направленіи черезъ всю ширину его. Этотъ перерывъ хорошо замѣтенъ даже верстъ за 15 отъ глетчера. Съ лѣвой стороны средняя часть ледника пересѣкается множествомъ бугровъ, трещинъ и ямъ; довольно много ихъ находится и посрединѣ ея, правая-же сторона остается болѣе или менѣе ровной.

Въ разстояніи около версты отъ только-что упомянутаго перегиба, ледникъ очень сильно расширяется, поверхность его становится очень ровной и пологой, и только изрѣдка виднѣются на ней кое-гдѣ ямы и трещины. Здѣсь по леднику проходитъ дорога черезъ Боковой хребетъ въ Трусовское ущелье, огибающее Казбекъ съ южной и юго-восточной сторонъ. Выше этой пологой части, ледникъ уже раздѣляется на двѣ вѣтви, которыя тянутся еще довольно далеко. Западная вѣтвь широка и имѣетъ порядочную длину. Она представляетъ ровное, чистое глетчерное поле, покрытое сверху снѣгомъ; только при началѣ его замѣтны большія трещины, черезъ которыя проглядываетъ зеленовато-голубой ледъ. Еще выше эта вѣтвь переходитъ въ пологое снѣжное поле, окруженное въ свою очередь еще гораздо болѣе крутыми снѣжными-же откосами. Во многихъ мѣстахъ изъ нихъ торчатъ черныя скалы. Что-же касается восточной вѣтви глетчера, то мы могли видѣть только часть ея, которая показалась намъ значительно уже западной; мѣстные жители говорятъ, что она и въ длину уступаетъ послѣдней. Обѣ вѣтви раздѣляют-

ся высокой грядой, покрытой снѣгомъ, изъ котораго также кое-гдѣ выдаются черныя зубчатыя скалы. По своей величинѣ ледникъ Гизель-дона долженъ занимать среднее мѣсто въ ряду прочихъ ледниковъ Кавказа.

Всѣ горы съ боковъ этого глетчера покрыты очень большими снѣжными полями. Съ лѣвой стороны его возвышается уже знакомая намъ гора Джимарай-хохъ, а съ правой другая съ очень широкой притупленной вершиной, покрытой огромными сплошными полями. На пятиверстной картѣ Кавказа она не названа никакимъ именемъ, впрочемъ и жители аула Джимара не съумѣли сообщить мнѣ названія ея.

Осмотрѣвъ верховья Гизель-дона, мы снова возвратились въ аулъ, переночевали тамъ, а на слѣдующій день отправились дальше въ долину Геналъ-дона, интересную какъ по своему довольно большому леднику, такъ и горячимъ минеральнымъ источникамъ, на которые ежегодно во время лѣта стекается сотни 2—3 больныхъ осетинъ лечиться отъ ревматизма и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней. Намъ надо было вновь проѣхать долиною Гизель-дона, но уже не вверхъ, а внизъ по ней. Во время пути мы еще разъ посмотрѣли на громадныя древнія морены, отстоящія отъ теперешняго ледника верстъ на 10, а часовъ въ 8 утра достигли аула Какадура. Здѣсь мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы сдѣлать фотографическій снимокъ верховьевъ Гизель-дона, которыя съ этого мѣста, хотя и значительно удаленнаго, были видны прекрасно. Нижняя и средняя части ледника, его вѣтви, окружающія ихъ высокія горы и снѣжныя поля открывались намъ теперь во всей своей красѣ.

Еще часъ спустя, мы перебрались вбродъ черезъ Гизель-донъ, который разбивается здѣсь на нѣсколько небольшихъ рукавовъ, и вскорѣ въѣхали въ аулъ Даргавсъ. Священникъ, аульный старшина и еще нѣкоторые изъ болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ аула встрѣтили насъ очень любезно, заставили выпить превзрядное количество довольно хорошаго пива, дали намъ подробныя указанія на счетъ того, гдѣ и какъ удобнѣе будетъ остановиться намъ и отыскать проводниковъ къ леднику Тменикау; всѣ они при этомъ совѣтовали обратиться къ старику Типсархо Царахову, который въ прошломъ году вмѣстѣ съ топографомъ Пастуховымъ взошелъ на вершину Казбека и въ вѣдѣніи котораго уже въ теченіи многихъ лѣтъ находятся минеральные источники, расположенные у самаго ледника. Словомъ, жители аула держали себя въ отношеніи насъ крайне любезно, но, къ сожалѣнію, дали намъ очень плохихъ лошадей. Мнѣ напр. досталась такая, у которой вся спина была побита, а шея покрыта ранами, иначе говоря—лошадь, совершенно негодная для ѣзды. Я, конечно, не взялъ ее; рѣшили идти пѣшкомъ. Когда мы выступили, то время уже

подходило къ полдню, солнце палило очень сильно, а между тѣмъ надо было на протяженіи нѣсколькихъ верстъ подниматься на крутую гору, именно на хребетъ, раздѣляющій долины Гизель-дона и Геналъ-дона. Г. Шумовъ нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ пользоваться поочередно его лошадью, но я рѣшилъ всю дорогу пройти пѣшкомъ. Не отставать отъ лошадей, которыя, какъ извѣстно, должно быть, читателю, идутъ всегда на крутую гору очень быстрымъ шагомъ, было мнѣ не легко, но тѣмъ-неменѣе возможно. Когда мы одолѣли послѣдній уступъ и очутились, наконецъ, на самой вершинѣ хребта, гдѣ подувалъ свѣжій вѣтерокъ, я былъ весь мокрый, какъ будто только что вылѣзъ изъ воды. Здѣсь намъ необходимо было съ часъ отдохнуть.

Гребень хребта оказался пологимъ, притупленнымъ и покрытымъ роскошной растительностью. Съ него также открывались во всѣ стороны прекрасныя картины, которыми мы любовались въ теченіе цѣлаго часа. На югѣ, на темно-синемъ небѣ, необыкновенно красиво обрисовывался покрытый вѣчными снѣгами Боковой хребетъ, на вершинѣ котораго клубились въ то время густыя свѣтло-сѣрыя облака, на сѣверѣ—Черныя горы, съ одной стороны скалистыя, а съ другой покрытыя лѣсомъ. Глубоко внизу, въ долинахъ виднѣлись еще крошечные осетинскіе аулы, прилѣпленные къ кручамъ и скаламъ точно гнѣзда ласточекъ, а недалеко отъ нихъ—правильныя, четырехъ-угольныя, свѣтлозеленыя полоски хлѣбныхъ полей.

Спускъ съ этого хребта ничего особеннаго не представляетъ. Передъ ауломъ Тменикау дорога также идетъ внизъ, переходитъ черезъ рѣчку, дѣлаетъ на очень красивой мѣстности два большіе зигзага, потомъ снова поднимается вверхъ и наконецъ входитъ въ аулъ. Послѣдній занимаетъ очень красивое и оригинальное мѣстоположеніе. Онъ расположенъ на самомъ концѣ узкаго, высокаго гребня, ограниченнаго съ боковъ двумя ущельями глубиною, вѣроятно, футовъ 400 или 500. На днѣ ихъ текутъ двѣ рѣчки Геналъ-донъ и Кани-донъ, которыя почти у самаго аула сливаются вмѣстѣ, черезъ что здѣсь и самый гребень оканчивается почти отвѣснымъ мысомъ. Площадка, на которой расположенъ аулъ, имѣетъ въ ширину лишь нѣсколько сажень и съ трехъ сторонъ обрывается такъ круто, что добраться до нея можно только по тропинкамъ, дѣлающимъ много зигзаговъ. Въ особенности крута сѣверная сторона, обращенная къ тому мѣсту, гдѣ сливаются обѣ упомянутыя рѣчки; здѣсь далеко внизу виднѣется еще нѣсколько маленькихъ ауловъ, расположенныхъ почти у самаго дна ущелья.

Аулъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Верхняго Тменикау; онъ со-

стоптъ изъ нѣсколькихъ десятковъ дворовъ и своей сѣверной стороной примыкаетъ къ кладбищу, расположенному почти надъ самымъ обрывомъ. Кладбище это также довольно замѣчательно. Здѣсь находится много большихъ каменныхъ памятниковъ, снизу до верху наполненныхъ человѣческими скелетами и высохшими трупами. Черезъ небольшія окошечки въ стѣнахъ этихъ памятниковъ хорошо видны одѣтые въ бешметы, рубашки и другіе костюмы почти истлѣвшіе трупы, руки и ноги которыхъ пожелтѣли и высохли, какъ у мумій. Небольшія башни въ 2 или 3 этажа, стоящія на этомъ-же кладбищѣ, также до самаго верху наполнены скелетами; они лежатъ безъ всякаго порядка и на нихъ еще сохранились различныя одежды. Здѣсь же валяется множество череповъ и другихъ человѣческихъ костей. Число этихъ труповъ и скелетовъ навѣрно равняется нѣсколькимъ сотнямъ. Жители Тменикау говорятъ, что лѣтъ сто тому назадъ здѣсь былъ такой моръ, во время котораго люди умирали, какъ мухи, и такъ какъ хоронить ихъ не успѣвали, да часто и некому было, то трупы валили одинъ на другой въ башни и памятники, построенные раньше надъ могилами умершихъ, до тѣхъ поръ, пока они не наполнялись до верху. Сколько я ни распрашивалъ мѣстныхъ жителей, не могъ однако добиться, что за болѣзнь свирѣпствовала здѣсь; но, припоминая разсказы, которыя я слышалъ въ Дигоріи о чумѣ, заставившей всѣхъ жителей разбѣжаться по лѣсамъ, и истребившей чуть не все населеніе, я думаю, что и въ Тменикау свирѣпствовала эта-же болѣзнь, а самый антигигіенической способъ погребенія мертвыхъ способствовалъ, конечно, еще большему ожесточенію ея.

Мѣстные жители говорили мнѣ, что въ теченіи многихъ лѣтъ, никто не осмѣливался, опасаясь страшной заразы, проникнуть въ эти башни и прикоснуться къ чему-нибудь, лежащему въ нихъ; лѣтъ-же десять тому назадъ нашлись алчные люди, рѣшившіеся воспользоваться нѣкоторыми изъ вещей, вродѣ колецъ, металлическихъ пуговицъ, пряжекъ, принадлежавшимъ покойникамъ. Мы два раза были на этомъ кладбищѣ и очень внимательно осмотрѣли его, хотя оно производило на насъ сильно удручающее впечатлѣніе.

Аулъ Тменикау намъ очень понравился за свое прекрасное мѣстоположеніе. Находясь въ немъ, можно смотрѣть, какъ съ птичьяго полета, на всѣ его ближайшія окрестности; отсюда открывается великолѣпный видъ на ледникъ Геналъ-дона и сосѣднія съ нимъ горы. Ледникъ представляется въ видѣ длиннаго, спускающагося далеко внизъ, до самаго дна долины, языка, образующаго два пологіе изгиба въ формѣ буквы S и имѣющаго сѣро-бѣлый цвѣтъ. Вся его поверхность, изборожденная безчисленными

множествомъ трещинъ, и боковыя морены видны отсюда прекрасно. Аулъ расположенъ на высотѣ 5870 ф. и отстоитъ отъ этого ледника по прямой линіи верстъ на десять.

Въ Тменикау мы остановились въ одной саклѣ, около которой была небольшая, огороженная и покрытая травой площадка. На ней съ разрѣшенія хозяина мы разбили свою палатку и сочли за лучшее расположиться и ночевать въ ней. Ночь была тихая, ясная и теплая, поэтому спать на свѣжемъ воздухѣ было гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ болѣе или менѣе грязной хатѣ.

На слѣдующее утро мы отправились къ леднику Тменикау, который въ сочиненіяхъ о Кавказѣ именуется обыкновенно Тменьковскимъ и относится къ числу восьми болѣе или менѣе значительныхъ глетчеровъ, спускающихся съ Казбека. Лошадь, которую мнѣ дали въ этомъ аулѣ, также оказалась почти негодной для ѣзды, поэтому я отдалъ ее своему проводнику, а самъ отправился пѣшкомъ.

Очень хорошая дорога идетъ вначалѣ на значительной высотѣ по лѣвому склону долины, а потомъ спускается къ самой рѣчкѣ. По сторонамъ ея виднѣются склоны, покрытые свѣжей изумрудно-зеленой травой, а значительно выше болѣе или менѣе голые, скалистые гребни. По мѣрѣ приближенія къ леднику эта дорога постепенно превращается въ тропинку, которая становится все хуже и хуже, въ особенности на протяженіи $1^1/_2$—2 верстъ, гдѣ она извивается по грудамъ камней надъ самой рѣчкой и пересѣкается множествомъ небольшихъ поперечныхъ балокъ. Надо замѣтить, что старикъ Цараховъ постоянно расчищаетъ ее, въ чемъ убѣдились и мы сами, подъѣзжая къ леднику; но, конечно, усилія одного человѣка тамъ, гдѣ ежедневно падаютъ тысячи камней и гдѣ всякимъ другимъ неблагопріятнымъ случайностямъ представляется полный просторъ,—черезчуръ недостаточны. Въ нѣкоторыхъ, хотя правда немногихъ, мѣстахъ дорога была и не вполнѣ безопасна, такъ какъ пролегала по сугробамъ снѣга, уцѣлѣвшаго еще отъ зимнихъ лавинъ, подмытаго уже водою Геналъ-дона и готоваго каждую минуту обрушиться.

Не доѣзжая версты четыре до ледника, мы увидѣли на обоихъ склонахъ долины совершенно явственныя огромныя древнія морены, которыя отъ этого мѣста тянулись безъ всякаго перерыва до самаго ледника. Наиболѣе высокія части ихъ лежали покрайней мѣрѣ футовъ на 300 выше дна долины. Что же касается отдѣльныхъ эрратическихъ валуновъ, то мы встрѣтили ихъ и значительно ниже того мѣста, гдѣ начинаются морены, т. е. недалеко отъ аула.

Часа два съ половиною мы употребили на путешествіе отъ аула до ледника, причемъ довольно тяжело было идти только въ теченіе по-

слѣдняго получаса, такъ какъ въ это время приходилось подъ палящими лучами солнца карабкаться съ одной кручи на другую. Когда мы были почти у самаго ледника, то увидѣли около десятка балагановъ или небольшихъ бараковъ, предназначенныхъ для жилья больныхъ, и около нихъ приблизительно такое-же число ваннъ. То и другое выстроено изъ камня самимъ Цараховымъ, который за извѣстную плату (коп. 30 въ сутки) отводилъ здѣсь помѣщеніе больнымъ и лечилъ ихъ горячими ваннами. Въ одномъ изъ такихъ балагановъ онъ помѣстилъ и насъ; хотя особенныхъ удобствъ здѣсь мы не нашли, но за то были вполнѣ защищены отъ дождя и рѣзкаго холоднаго вѣтра, который дуетъ съ ледника ежедневно по утрамъ и вечерамъ, да кромѣ того въ теченіе всей ночи.

Ванны здѣсь имѣютъ очень простое устройство. Онѣ помѣщаются также въ небольшихъ каменныхъ балаганахъ и представляютъ резервуаръ глубиною аршина въ $1^1/_2$, сдѣланный изъ камня-же въ полу балагана. Со всѣхъ сторонъ резервуаръ окруженъ площадкой, на которой больные раздѣваются; въ каждый изъ балагановъ ведетъ низкій входъ, лишенный дверей, и потому никогда не закрывающійся, и кромѣ того проведена канавка или желобокъ по которому течетъ вода изъ источника. Выходя изъ ваннъ, больные очень часто подвергаются дѣйствію холоднаго вѣтра, дующаго съ ледника, поэтому одѣваются обыкновеннаго въ шубы. Купаются они по нѣсколько разъ въ день и лечатся, сколько я могъ узнать изъ разговора съ ними, главнымъ образомъ отъ ревматизма.

Говоря о ваннахъ, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о владѣльцѣ и устроителѣ ихъ. Это старикъ, которому, вѣроятно, не менѣе 60 лѣтъ, довольно сильно сгорбленный, сухой, уже дряхлый тѣломъ, но, надо думать, бодрый духомъ. Онъ цѣлые дни возится около ваннъ, балагановъ или на дорогѣ къ нимъ, приводя то то, то другое въ порядокъ. Нельзя не упомянуть о томъ, что всѣ сооруженія Царахова были нѣсколько разъ уничтожаемы до основанія наступавшимъ ледникомъ и снова воздвигались имъ, когда ледникъ отступалъ. Въ прошломъ году, какъ я уже говорилъ, этотъ старикъ вмѣстѣ съ топографомъ Пастуховымъ совершилъ трудное восхожденіе на вершину Казбека, т. е. совершилъ дѣло, требующее много энергіи и неустрашимости. Живетъ онъ почти исключительно доходами отъ лечащихся, которые, однако, часто не платятъ ему или платятъ неаккуратно, такъ что годовой заработокъ его едва ли превышаетъ рублей 400.

Горячіе источники находятся теперь очень близко къ леднику, именно самый верхній изъ нихъ отстоитъ отъ глетчера всего на 25 шаговъ. Пять лѣтъ тому назадъ ледникъ нѣсколько удлинился и покрылъ не толь-

ко источники, но и двѣ ванны Царахова; тогда горячая вода текла изъ подъ льда. Въ послѣдніе 4 года источники уже не покрывались льдомъ. Двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 63 году, ледникъ также сильно отступилъ, и всѣ источники открылись, а послѣ этого онъ неоднократно то удлинялся, то укорачивался, хотя и не сильно. По словамъ Царахова за послѣднія 20 лѣтъ ледникъ, подвигаясь впередъ, 4 раза разрушалъ всѣ его сооруженія. Расположеніе моренъ также показываетъ, что за послѣдніе 2—3 десятка лѣтъ значительныхъ измѣненій въ величинѣ ледника не происходило; лѣтъ-же 60 тому назадъ, какъ разсказываетъ Цараховъ, ледникъ Тменикау былъ версты на $1^1/_2$—2 длиннѣе, чѣмъ теперь. Существованіе горячихъ источниковъ и ваннъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ ледникомъ невольно заставляетъ обращать вниманіе не только на періодическія колебанія его величины, но постоянно слѣдить за самыми незначительными измѣненіями нижняго конца его. Такъ какъ ничего подобнаго не дѣлается нигдѣ на Кавказѣ, за исключеніемъ развѣ Девдоракскаго ущелья, то эти наблюденія должны имѣть не малое значеніе для изучающаго Кавказскіе ледники. Высота, до которой спускается глетчеръ Тменикау, равняется по приблизительному опредѣленію 7320 фут. надъ уровнемъ моря.

Теплая, содержащая много щелочей, вода пробивается здѣсь изъ земли во многихъ мѣстахъ; главныхъ-же источниковъ всего пять, и они расположены по лѣвую сторону рѣчки на пространствѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ сажень. Температура воды въ нихъ слѣдующая: 55°, 54°, 53,5°, 48° и 41° Ц. Источникъ, отстоящій отъ глетчера на 25 шаговъ, имѣетъ температуру въ 54° Ц. Когда смотришь на ручейки, текущіе отъ этихъ источниковъ, то невольно поражаешься тѣмъ благотворнымъ вліяніемъ, какое оказываетъ на растенія влага вмѣстѣ съ высокой температурой. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ камни, по которымъ струится теплая вода, сплошь покрыты густой зеленью разнообразнѣйшихъ водорослей и другихъ растеній, тогда какъ все окружающее голо и мертво.

Къ минеральнымъ источникамъ мы пріѣхали приблизительно въ полдень и застали здѣсь, кромѣ больныхъ и самого Царахова, еще 3 человѣкъ охотниковъ-промышленниковъ, которые здѣсь спеціально занимаются истребленіемъ туровъ и продаютъ мясо ихъ больнымъ. Еще подобнаго-же субъекта мы встрѣтили въ Тменикау: онъ пріѣзжалъ сюда также охотиться и, убивши нѣсколько штукъ туровъ, возвращался домой. Здѣсь-же и старикъ Цараховъ время отъ времени охотится за этой рѣдкой дичью. О томъ, что въ верховьяхъ Геналъ-дона водится очень много туровъ, я слышалъ еще раньше и, отправляясь сюда, самъ предполагалъ

поохотиться за ними; но, узнавъ, какъ преслѣдуютъ здѣсь ежедневно этихъ животныхъ, махнулъ рукой на охоту. Въ слѣдующіе дни, поднимаясь довольно высоко и нигдѣ не встрѣчая не только туровъ, но даже ихъ слѣдовъ, я дѣйствительно имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что постояннымъ преслѣдованіемъ ихъ заставили держаться въ самыхъ труднодоступныхъ частяхъ горъ, съ которыхъ они спускаются только ночью. Къ сожалѣнію и послѣднее не спасаетъ несчастныхъ животныхъ отъ смерти, потому что здѣшніе охотники или, лучше сказать, истребители дичи отправляются за турами еще съ вечера, ночуютъ нерѣдко вблизи вѣчныхъ снѣговъ и стрѣляютъ неподозрѣвающихъ опасности животныхъ въ то время, когда на разсвѣтѣ они возвращаются на мѣста, гдѣ обыкновенно проводятъ день. Цараховъ и намъ предлагалъ отправиться за турами на ночь, но мы случайно узнали, что трое осетинъ уже совсѣмъ собрались на охоту и черезъ нѣсколько минутъ должны будутъ двинуться въ путь. Такъ какъ они, безъ сомнѣнія, успѣли-бы прежде насъ попасть на лучшія для охоты мѣста, то это еще болѣе укрѣпило во мнѣ рѣшеніе оставить туровъ въ покоѣ и отложить охоту на нихъ до болѣе удобнаго случая.

Часа въ 4 пополудни я отправился осматривать ледникъ. Прежде всего мое вниманіе было обращено на страшно быстрое теченіе Геналъ-дона. Вырвавшись нѣсколькими бурными потоками изъ подъ глетчера, онъ несется дальше съ ужасной силой, подобно тому какъ напр. Терекъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Осмотрѣвши истоки Геналъ-дона, я взобрался на ледъ у нижняго конца ледника, но вскорѣ убѣдился, что пройти по нему болѣе 15—20 сажень невозможно; поверхность его оказалась здѣсь настолько крутой, что, поскользнувшись на ней и не имѣя возможности за что либо удержаться, пришлось-бы скатиться до самаго конца глетчера и, пожалуй, попасть прямо въ Геналъ-донъ. По этой причинѣ я снова сошелъ съ ледника и направился вверхъ по его боковой моренѣ. Пройдя по ней съ полверсты, я нашелъ мѣсто, гдѣ легко было не только взобраться на ледникъ, но и побродить по немъ на значительномъ пространствѣ. Посидѣвъ здѣсь нѣсколько времени и полюбовавшись какъ глетчеромъ, такъ и окружающими его высотами, я отправился обратно къ нашей стоянкѣ.

Такимъ образомъ мнѣ удалось въ этотъ день осмотрѣть только самую нижнюю часть ледника. Оказалось, что она имѣетъ въ ширину сажень около 200, причемъ лѣвая половина ея болѣе или менѣе чиста, на правой-же—полоса приблизительно въ пол-сотни сажень шириною такъ загромождена щебнемъ и камнемъ, что ледъ проглядываетъ здѣсь лишь

въ немногихъ мѣстахъ. Только самая нижняя часть ледника на разстояніи приблизительно сажень 200 отъ конца его лишена трещинъ, за то она настолько крута, что ходить по ней, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, совершенно невозможно. Особенно крутъ ледникъ у самаго нижняго конца, гдѣ онъ сильно съуживается и оканчивается клинообразнымъ выступомъ, на которомъ очень красиво обрисовывается слоистое строеніе льда. Наконецъ, самый край нижняго конца глетчера, имѣющій сравнительно небольшую толщину, встрѣтивъ при своемъ движеніи груды камней, потрескался и разсѣлся, напоминая гигантскую лапу съ короткими, обрубленными пальцами.

За нижней, крутой частью ледника тянется болѣе пологая, пересеченная множествомъ трещинъ, которыя идутъ въ косвенномъ направленіи къ длинѣ ледника. Она простирается недалеко; за нею ледникъ сразу мѣняетъ свой видъ и становится дикимъ до невозможности, представляя безчисленное множество трещинъ, пропастей и ямъ, между которыми торчатъ ледяные столбы, зубцы и острые гребни. Здѣсь по глетчеру нельзя сдѣлать и десяти шаговъ, тогда какъ въ той части, которая пересѣкается только косвенными трещинами, можно безъ особенныхъ затрудненій перейти съ одной стороны его на другую.

Направляется ледникъ какъ въ нижней части, такъ и на дальнѣйшемъ своемъ протяженіи, почти прямо съ Ю. на С., если, конечно, не принимать во вниманіе тѣхъ двухъ пологихъ изгибовъ, о которыхъ было уже упомянуто раньше.

Я забылъ сказать, что, отдыхая на окраинѣ глетчера, замѣтилъ на противуположной сторонѣ его три маленькія движущіяся фигурки; въ бинокль можно было разсмотрѣть, что это три человѣка, пытающіеся перебраться черезъ глетчеръ. Когда они были почти на срединѣ его, то я при помощи бинокля узналъ въ нихъ охотниковъ, притомъ вооруженныхъ берданками. Опять пришли мнѣ на память несчастные туры, которымъ съ каждымъ годомъ становится жить все хуже и хуже, такъ какъ прежде ихъ стрѣляли только изъ плохихъ кремневыхъ винтовокъ, а теперь изъ усовершенствованнаго, и притомъ весьма порядочнаго европейскаго оружія, которое все болѣе и болѣе распространяется между полудикими племенами Кавказа.

На возвратномъ пути я занялся собираніемъ минераловъ, которые представляютъ здѣсь порядочное разнообразіе и являются нерѣдко въ довольно красивыхъ формахъ; преобладаютъ въ этой мѣстности, однако, двѣ породы, именно глинистые сланцы и трахиты. Очень часто встрѣчается красноватый или коричневаго цвѣта плотный трахитъ съ вкрап-

ленными въ него бѣлыми кристаллами санедина; далѣе трахиты пепельно-сѣраго и черноватаго цвѣтовъ, варіолитъ, зеленая съ желтоватыми и черноватыми полосками кремнистая брекчія (пистацитъ); серпентинъ, очень твердый и красивый глинистый сланецъ зеленоватаго цвѣта, шиферъ, гнейсъ, кварцитъ и т. д.

Слѣдующій день мы рѣшили посвятить болѣе обстоятельному осмотру ледника, и потому встали очень рано. Едва только успѣлъ я показаться за дверью нашего пристанища, какъ одинъ изъ проводниковъ подходитъ ко мнѣ и сообщаетъ, что самый завзятый изъ здѣшнихъ охотниковъ на зарѣ убилъ тура, сдѣлавъ по нему 3 выстрѣла, и теперь уже тащитъ его внизъ по противоположному склону долины. Вооружившись биноклемъ, я, дѣйствительно, увидѣлъ человѣческую фигуру, возившуюся съ тяжелой ношей, которую издали разсмотрѣть было трудно. Вскорѣ, впрочемъ, стало замѣтно, что охотникъ не несетъ тура, а безъ церемоніи сбрасываетъ его съ уступа на уступъ; такимъ образомъ онъ спустился съ туромъ къ самому берегу рѣчки, потомъ съ большимъ трудомъ переправился черезъ нее и поднялся къ баракамъ. Убитое животное оказалось самкой и притомъ довольно молодой.

Закусивши на скорую руку, мы втроемъ отправились вверхъ вдоль ледника. На протяженіи болѣе полуверсты мнѣ пришлось идти по знакомой уже, едва замѣтной тропинкѣ, дальше-же хотя и началась мѣстность, мнѣ не извѣстная, но она не представляла ничего особеннаго. Все время влѣво отъ насъ тянулся глетчеръ, а вправо старыя морены и осыпи, а надъ ними скалы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти послѣднія подходятъ довольно близко къ глетчеру, и тогда на нихъ можно было отчетливо видѣть слѣды движенія льда въ видѣ стиранія, шлифовки, царапинъ и т. д.

Пройдя такимъ образомъ еще версты полторы, мы выбрались на высокій гребень съ боку ледника; съ него открывался очень красивый видъ не только на ледникъ, но и на всѣ окружающія его высоты. Послѣднія образуютъ огромный циркъ, обнимающій болѣе чѣмъ половину окружности и заваленный громаднымъ количествомъ вѣчнаго снѣга, изъ котораго только въ немногихъ мѣстахъ выдаются зубцы и гребни скалъ. Очень крутыя снѣжныя поля находятся здѣсь только въ самой верхней части горъ, нѣсколько ниже они становятся болѣе отлогими, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и чередуются съ крутыми уступами. Наконецъ, въ нижней части всѣ они мало-по-малу переходятъ въ глетчеръ. Верхняя часть этого послѣдняго довольно широка и пересѣкается безчисленнымъ множествомъ трещинъ, въ особенности съ правой стороны. Еще ниже тянется болѣе пологая часть, поверхность которой вдоль средины лед-

ника сильно поднята, а къ краямъ понижена. Такимъ образомъ здѣсь получается высокое закругленное вздутіе, простирающееся вдоль ледника. Оно также по всѣмъ направленіямъ изрѣзано трещинами и на поверхности представляетъ пересѣкающіеся подъ всевозможными углами крутые гребни и выступы. Наконецъ, за этой частью слѣдуетъ та, которая была мною осмотрѣна наканунѣ и уже описана раньше.

Съ того гребня, на которомъ мы сдѣлали небольшой привалъ для болѣе или менѣе обстоятельнаго осмотра ледника и окружающихъ его горъ, открывался также красивый видъ на долину, направляющуюся къ западу и почти перпендикулярно къ той, въ которой движется ледникъ. Она очень широка, просторна и тянется версты на 2 или на 3; относительно ровное дно ея почти всюду засыпано камнемъ; по дну течетъ довольно большая быстрая рѣчка съ такой-же мутной, темно-сѣрой водою, какъ въ Геналъ-донѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта долина соединяется съ главной, занятой глетчеромъ, рѣчка уходитъ подъ ледъ и течетъ тамъ, очевидно, до самаго конца глетчера. Съ юга и запада надъ долиной поднимаются очень высокія горы, покрытыя большими снѣжными полями, и вся вода, которая получается отъ таянія ихъ, стекаетъ въ эту единственную рѣчку. Съ сѣверной стороны долины также поднимаются горы, но они относительно низки, скалисты и болѣе или менѣе покрыты растительностью. Я подумывалъ о томъ, не удастся-ли мнѣ увидѣть гдѣ-нибудь на нихъ туровъ, и потому еще по пути къ тому гребню, на которомъ мы сдѣлали привалъ, подвигался впередъ довольно осторожно и внимательно осматривалъ всѣ скалы и утесы. Вмѣсто туровъ я увидѣлъ, однако, осетинскій скотъ, и тогда, конечно, всякіе помыслы объ охотѣ долженъ былъ оставить.

Долина, о которой идетъ рѣчь, безъ сомнѣнія была прежде занята довольно большимъ, широкимъ ледникомъ. Огромныя старыя морены, покоющіяся теперь на днѣ ея, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ этому. Одна большая морена, идущая поперекъ долины, лежитъ въ сторонѣ ея; она была когда-то конечной мореной ледника; другая (краевая) тянется вдоль всей долины и почти доходитъ до современныхъ моренъ Тменикау. Во время путешествія сбоку ледника мнѣ удалось также видѣть во многихъ мѣстахъ доказательства того, что и ледникъ Тменикау, подобно прочимъ ледникамъ Кавказа, имѣлъ прежде гораздо большіе размѣры. Въ томъ углу, гдѣ его долина соединяется съ только-что описанной, во многихъ мѣстахъ на скалахъ замѣтны слѣды движенія льда въ видѣ бараньихъ лбовъ, курчавыхъ скалъ, царапинъ и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ лежатъ очень высоко, именно саженъ на 50 выше современнаго

уровня льда. Ниже мѣста, гдѣ обѣ долины соединяются, съ боку ледника Тменикау, на высотѣ сажень 20 надъ его поверхностью, также замѣтны обтертыя льдомъ скалы и всюду на нихъ характерныя царапины. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ зеленые, очень твердые глинистые сланцы чередуются съ обыкновеннымъ шиферомъ, эти слѣды особенно явственны. Царапины замѣчены нами и на многихъ камняхъ, валяющихся у подножья этихъ скалъ.

Осмотрѣвъ верховья Геналъ-дона, мы возвратились въ аулъ Тменикау, а оттуда направились къ военно-грузинской дорогѣ. Съ аула намъ нужно было спуститься по крутой извилистой тропинкѣ къ Геналъ-дону, переѣхать его, а потомъ еще перевалиться черезъ пологій, но довольно высокій хребетъ, раздѣляющій долины Геналъ-дона и Терека. Вся эта дорога, за исключеніемъ спуска въ долину Терека, ничего особеннаго не представляетъ; но спускъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что проходитъ по очень живописной мѣстности вдоль небольшой рѣчки, впадающей въ Терекъ. Въ началѣ его дорога окружена со всѣхъ сторонъ пышными лугами, а потомъ вступаетъ въ лѣсъ. За двухнедѣльное пребываніе въ горахъ мы нигдѣ не видѣли такого веселаго ландшафта и такого изобилія лѣса, какъ здѣсь. Почти полтора часа мы шли по этому лѣсу и, наконецъ, часовъ въ 7 вечера, выбрались на военно-грузинскую дорогу между Балтой и Ларсомъ.

Н. Динникъ.